

К84.09(Учб)
У89
К-39363

ЯКОВ УХСАЙ

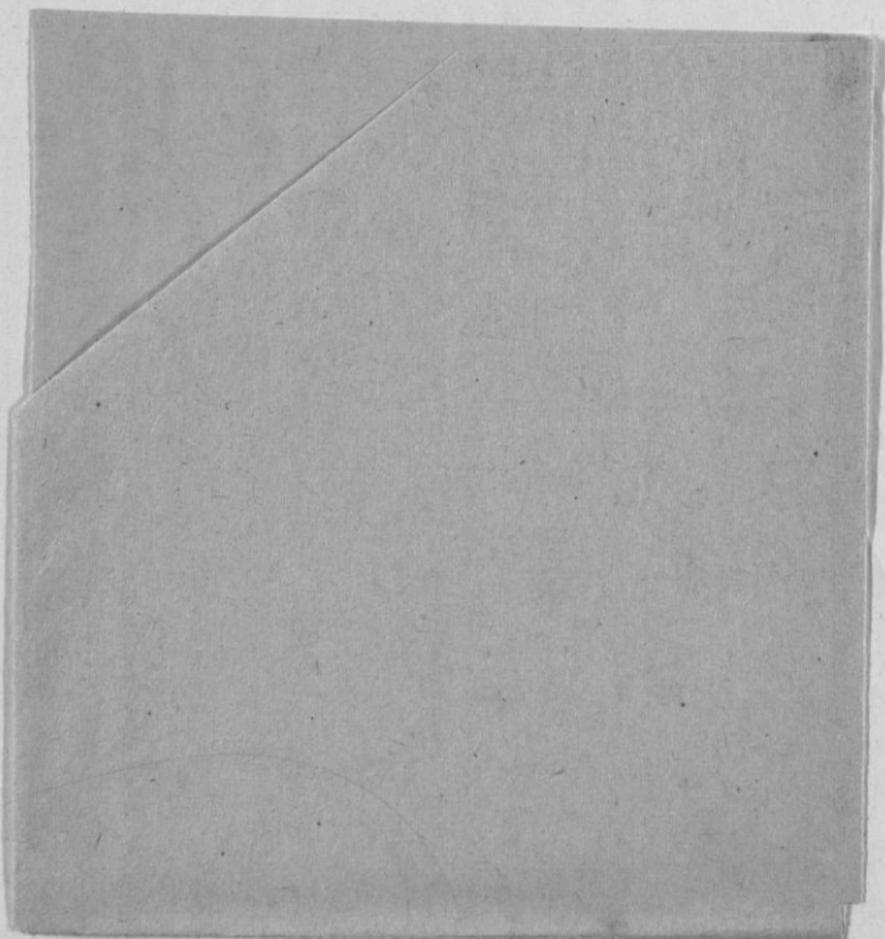
ДЕД КЕЛЬБУК

Национальная библиотека ЧР

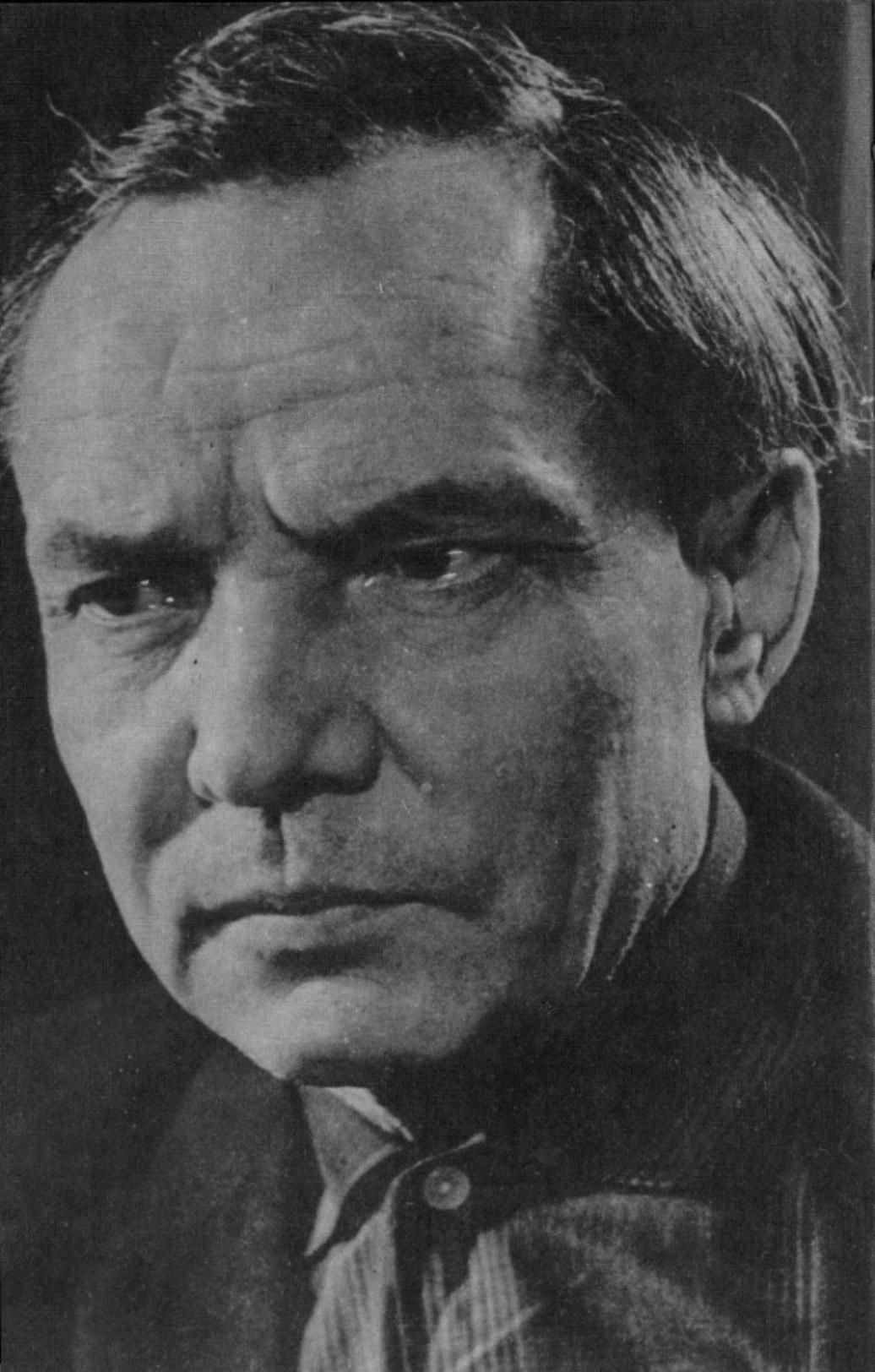

к-039363

ЯКОВ УХСАЙ
ДЕД КЕЛЬБУК

ад КЭЧ.09(=Чув)

ЯКОВ УХСАЙ

У80

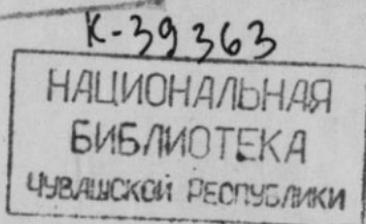
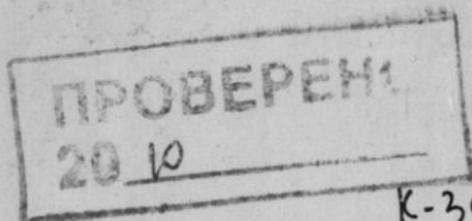
ДЕД КЕЛЬБУК

Поэма

Перевод с чувашского Л. Пеньковского и Н. Чуковского

аб

С(Чув)
У 89

Ухсай Я. Г.

У 89 Дед Кельбук: Поэма /Пер. с чуваш.
Л. Пеньковского, Н. Чуковского.— М.:
Современник, 1984.— 149 с., ил.— (Б-ка
«Российская поэма»).

В пер: 70 коп.

Поэма лауреата Государственной премии РСФСР имени М. Горького Якова Ухсай впервые публиковалась на русском языке в конце пятидесятых годов в журнале «Новый мир». О ней тепло отзывался А. Т. Твардовский.

Дед Кельбук — из того ряда народных характеров, что и знаменитый дед Шукарь и Никита Моргунок. Ему присущи юмор, неунывающий нрав, крестьянская сметка и вместе с тем глубокое понимание исторического хода жизни.

В поэме перед читателем предстает картина становления Советской власти в глухом чувашском селе.

4702650000—159

У _____ 273—84

М106(03)—84

ББК84Чув
С(Чув)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДЕТСТВО

Март. Глухая ночь. В ночи
Вдруг снега осели,
И веселые ручьи
Гулко зазвенели.

Огонечек золотой
На лучинке тонкой
Вспыхнул светлую звездой
В луже пред избенкой.

Что за радость для ягнят —
По избе резвиться!
Их прыжкам стонали в лад
Скамьи, половицы.

А сверчок-то залился —
Трели, стрекотанье!..
Этой ночью родился
Мальчик на кафтане.

«Принеси богатство в дом!» —
Цовитуха пела
И отрезала ножом
Пуповину смело.

«Заведи кошель себе
Да звени деньгами...» —
И пошла плясать в избе,
Топая ногами.

А сынок и впрямь хорош!
Крепкий, чернобровый,
Был Кельбук румян, пригож —
Полный да здоровый.

Жизнь в избежке будет вся
Счастьем с этой ночки,
Потому что родился
Мальчуган в сорочке.

Есть и сила в кулачке —
Значит, подходящий,
Родинка на локотке —
Значит, работающий.

Мать сыночка своего
Первого любила
И, качая, для него
Песенку сложила.

Сыном горд, глядит отец
С ласкою суровой:
«Черноглазый сорванец,
Птенчик чернобровый!»

Счастье всех людей — в пупке.
Высушив сначала,
Пуповинку в сундуке
Мать его держала.

Завернула туго так
В чистую тряпицу,
Чтоб не вздумал злой червяк
Ею поживиться.

На замок закрыт сундук,
Прочен, долговечен.
Так с рожденья был Кельбук
Счастьем обеспечен.

Он здоров на зависть всем
И поест не промах,
И глаза чернее, чем
Ягоды черемух.

Говорить он раньше стал,
Чем другие дети:
К двум годам он лепетал
Обо всем на свете.

Он на палочке верхом
Мчался по дороге,
Подымая пыль столбом,
Крепкий, босоногий.

Был он добр, на всех глядел
Благосклонным взглядом,
И с отцом своим сидел
За столом он рядом.

Если на столе еда —
Брал большую ложку...
Но уже ползла беда
В дом их понемножку.

Время мчалось день за днем,
Жатва подоспела,
Рожь густая под серпом,
Падая, хрустела.

Мать с отцом на долгий срок
Оба вышли в поле.
Тут же бегал их сынок,
Веселясь на воле.

Бабочек ловил Кельбук
Да шуршал соломой...
Позабыт, стоял сундук
Без присмотра дома.

В дом залез исподтишка
Вор какой-то прыткий
И унес из сундука
Все как есть до нитки.

Обездолив бедный дом,
Убежал проворно,
Убежал со всем добром,
С пуповинкой черной.

Горе матери, отца
Не сказать словами.
Это горе их сердца
Обожгло, как пламя.

Да отец умел смолчать,
Хоть беда большая,
Но зато рыдала мать,
Душу облегчая.

«Злополучный наш сынок,
Ждут тебя напасти!
Пуповинку не сберег —
Век не будет счастья».

Сын их в этой кутерьме
Прыгал и смеялся,
Лихо бегал по скамье,
За котом гонялся.

Но не мог спастись от бед.
Хлоп! И мальчик, воя
(Пуповинки больше нет!),
Об пол головою.

«Горе!» — вскрикнула в углу
Мать, всплеснув руками.
Мальчик бился на полу,
Исходя слезами.

Чтоб сурово наказать
Злые доски пола,
Их поколотила мать
Кочергой тяжелой.

«Боль, отправься к вору в дом!» —
И, печась о сыне,
Обкурила лоб грибом,
Росшим на осине.

Чтоб от смерти сына скрыть,
Шубой накрывала,
Чтоб от боли защитить,
Беса выгоняла.

Бес не струсил. Что ему?
И не поперхнулся.
Но зато Кельбук в дыму
Чуть не задохнулся.

И назавтра был крутой
Лоб его отмечен
Синяком величиной
С глаз большой овечий.

Время мчалось день за днем.
Кражу позабыли.
Вьюги все леса кругом
Снегом завалили.

Доску взял отец. Слегка
Намочил. Поставил
На мороз. Так для сынка
Он салазки справил.

И летел Кельбук с горы
Под откос с разбега,
Раскрасневшись от игры,
Ветерка и снега.

Той порою поп ходил
Из ворот в ворота.
В каждом доме он бранил
Жителей за что-то.

Ладаном дымя как печь,
Всех ругал он с ходу,
Всем приказывал беречь
Он святую воду.

Вот вошел он как домой,
Глянул раздраженно:
Нет в избе воды святой,
Нет в углу иконы!

Вдруг он видит: на груди
Маленького сына —
Нет, не крестик, а — гляди! —
Веточка рябины!¹

«Сына не крестил ты зря,
С чертом подружился!» —
Поп сказал, слуга царя.
Очень рассердился.

«Как ты смел! Крести скорей!» —
Грозно возгласил он.
Удаляясь, у дверей
Пальцем погрозил он.

«Вот сказалась наконец
Пуповинки кража!» —
Думал сумрачно отец.
Мать всплакнула даже.

Крестный, крестная сидят.
Предстоят крестины.
Что поделать! Раз велят,
Надо мучить сына.

Крестный что-то хмур, сердит,
Говорит, что в глотке
Нынче у него свербит
И что надо водки.

Выпью, мол, тогда с попом
Буду я смелее.
Выпил чарку, а потом
Чарок пять за нею.

¹ Некрещеные чуваша вешали на шею палочку рябины для охраны от всех бед и болезней.

К церкви двинулись впотьмах,—
Ночь уже настала.
Брел с отцом Кельбук в лаптях,
Сонный и усталый.

Он, бедняжка, так продрог,
Так замерзли ноги,
Что и плакать он не мог,
Идя по дороге.

Поп раздел его, толкнул,
Показал народу,
Ухватил и окунул
В ледяную воду.

Если бы Кельбук успел,
Он бы крикнул: «Мама!»
«Ма!..» — печальный звук взлетел
К старым сводам храма.

Божьим назван он рабом.
Вот кругом запели,
Вот он за ноги попом
Вынут из купели.

Он закутан с головой
Одеялом рваным,
И его несут домой
По ночным полянам.

С этой ночи он хворал,
Бредил долго, тяжко.
Даже мать не узнавал
Много дней, бедняжка.

Мать не ела ничего,
Плакала над сыном,
Салом мазала его
Дорогим, гусиным.

Духом пал совсем отец.
В уголке сидел он,
И, недвижим как мертвец,
На сынка глядел он.

Дров не может нарубить,
Хоть не слабы руки,
Чай не в силах заварить
От душевной муки.

Задышаться стал Кельбук.
Но, не умолкая,
Раздавался сердца стук,
Смерть не подпуская.

В сильном он роду рожден —
Лист от прочной ветки.
Был он крепок, и силен,
И здоров, как предки.

Вспоминают до сих пор
Люди давний случай:
Бочку поднял раз на спор
Дед его могучий.

Сорок ведер в бочку ту,
Говорят, входило.
Нес он бочку на хребту.
Вот что значит сила!

И когда в голодный год
Поднялись крестьяне
И войска пошли в поход
Усмирять восстанье,

Дед оглоблей уложил
Двадцать два солдата,
И в Сибирь он угодил —
Сгинул без возврата.

Если выживет Кельбук,
Ждет его победа —
Отомстит отважный внук,
Отомстит за деда,

Свой не опозорит род,
Жизнь отдаст народу,
Встанет грудью за народ,
Встанет за свободу.

Мчалось время день за днем.
Долгие недели
Просидели мать с отцом
У его постели.

И пришел в себя Кельбук,
Шевельнул бровями,
Бойко посмотрел вокруг
Черными глазами.

Выскочил во двор отец.
Тут же у порога
Он одну из трех овец
Отдал в жертву богу.

Он родню, друзей привел.
Чтя обряд старинный,
С ними посадил за стол
Дорогого сына.

За столом сидел Кельбук,
Важно слушал речи
И не выпускал из рук
Голову овечью.

Побывало сто ветров
За деревней в поле,
Миновало сто годов,
А быть может, боле.

Прочищая свой чубук,
Поминая были,
Рассказал нам дед Кельбук,
Как его крестили:

«Крестный простудил меня
В одеяле рваном.
И скажу я, не вина,—
Он всегда был пьяным.

Пусть ему среди могил
Сон отрадой будет».
Все Кельбук ему простил
И его не судит.

Ласково Кельбук глядит
В сторону погоста,
Где семья дубов шумит
Царственного роста.

Предков он почтил своих
Так, что глянуть любо:
На могилах всех родных
Посадил по дубу.

На могиле у отца
Дуб — вершиной в звездах,
И шумит он без конца,
Весь в вороньих гнездах.

Он и деда своего
Не забыл, конечно,
Вспоминает про него
С болью неутешной,

И хоть дед в земле зарыт
Дальней и немилый,
Тоже, верно, дуб шумит
Над его могилой,

Потому что, злой судьбой
В дальний край гонимый,
Дед взял желудь в путь с собой
Из страны родимой.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВОЛШЕБНОЕ КОЛЬЦО

Узкой тропкой оторочен,
Поутру сверкает луг,
И проходит, озабочен,
По тропе наш дед Кельбук.

В озерке уж две недели
Замочили конопель:
Мокнуть нынче конопели,
Может, хватит двух недель.

Да еще: хороший веник
Нужен в доме — пол мести,—
Значит, надо с дней осенних
Придорожник запасти.

Поработать по-хозяйски
(Потому и встал чуть свет)
В недалекий Керленайский
Старый лес шагает дед.

Словно пологом огромным
Лес затянут — тень да тень.
Входишь — ну, как в погреб темный —
Мрак и сырость целый день.

Редко тут играет солнце —
Лес поистине дремуч,
Все ж кой-где в листве оконце
Иногда прорежет луч...

В лес зайдя, прошел немного —
С полторы версты Кельбук.
Что за шут! Пред ним дорога
Раздвоилась круто вдруг.

Долгий век был дедом прожит,
С детства эти знал места.
Наваждение! Быть не может,—
Та дорога и не та!

И совсем недавно, ночью,
В этом месте дед Кельбук —
Хоть и страшно было очень —
Топором во тьме — тук-тук...

То и дело озираясь —
Вдруг нагрянут сторожа,—
Он срубил дубок, стараясь
Не дышать и весь дрожа.

Погребица провалилась,—
Все проклятая нужда!..
Но дорога не двоилась
В этом месте и тогда!

Обмер дед от изумленья,
Градом каплет пот со лба:
На дорожном раздвоенье
Появилось два столба.

В грамоте ненаторелый
И совсем не зная букв —
Надписи на камнях белых
Вдруг читает дед Кельбук!

На столбе прочел он правом:
«Если ты сюда пойдешь,
Молодую, с добрым правом
Ты красавицу найдешь».

Разобрал Кельбука хохот:
«Вот уж свадьбу закачу!
Жить с такой женой неплохо —
Аккурат по мне, хрычу!»

Только вот беда-кручина:
Дед Кельбук-то всей душой,
Да ведь у меньшого сына
Вышел в парни сын меньшей.

Вспомнил дед — еще гуляла
В девушках его жена —
Как на игрищах, бывало,
Целовалась с ним она.

С той поры прошло... ну, то есть
И не вспомнишь, сколько лет.
А теперь идти на поиск
Молодой красотки?.. Нет!

Вот кабы живой водицей
Молодость ему вернуть,
Может, ради той девицы
Дед бы и пустился в путь.

Рад бы в рай — нельзя, не выйдет,
Нет живой воды тебе!..
Надпись он на левом видит
Белокаменном столбе:

«Если ты свернешь налево,
Счастье встретишь на пути».
Дед обрадовался: «Эва!
Влево, брат, и свороти!»

Сроду счастья он, ей-богу,
Не видал. Об чем же речь?
Значит, левою дорогой
Дед идет ему навстречь.

В ожиданье счастья будто
Стал бодрей, моложе дед.
Но вперед уже семь суток
Он идет, а счастья нет.

От лаптей — одни ошметки.
Разувается Кельбук
И лаптишки-простоплетки
Вешает на ближний сук.

Из орешника надежный
Посох вырезав, бредет,
Сам себя кляня безбожно,
Дед упрямый все вперед.

Будь он проклят, тот развилок!
Так в пути оголодал
Дед Кельбук, что аж затылок
Кадыка острее стал.

Шел он, шел... Вконец измучен,
Видит дед Кельбук с утра:
Синей кручей вровень с тучей
Перед ним стоит гора.

Под горою белый камень,
Из-под камня бьет ручей,
Весь пронизан огоньками
Разыгравшихся лучей.

И, как бы прося: «Отведай —
Слаще нет воды нигде», —
Подплывает прямо к деду
Медный ковшик по воде.

Дед хлебнул раз семь иль восемь —
Заиграла сила в нем,—
С жеребятами б на озимь
Побежал осенним днем.

И — к добру ли перемена
Иль к беде, наоборот?—
Глянул дед — стоит почтенный
Старец, бел, пышнобород,

И кафтан — белей бумаги.
Спрашивает: «Ты отколь?
Не из тех ли мест, бедняга,
Где кричат нужда и боль?»

«Это верно. Как иголкой
Пашем землю — проку нет.
Бьемся, бьемся — мало толку!» —
Говорит Кельбук в ответ.

«Ладно,— добрый старец молвит,—
Я тебе колечко дам,—
Посвисти в него — исполнит
Все, чего захочешь сам.

Вот мой дар тебе — приемли,
Не теряй кольцо чудес...»
Дал — и на глазах как в землю
Провалился вмиг, исчез.

Сел Кельбук, сидит растерян,—
Что просить? Мудри, мудри,
Да не будь, мужик, тетерей:
Коли так, просись в цари!

Горло дед прочистил кашлем,
Между губ кольцо вложил
Да как свистнет свистом страшным —
Лес дремучий всполошил.

Оказался дед не промах:
Свистнул — глянул: вот те на!—
Стал царем, сидит в хоромах,
Смотрит важно из окна.

Из лощеного гранита
Весь дворец — щербинки нет.
Двор мощен, не щебень — плиты,
А в покоях пол — паркет.

Через воду мост чугунный
Перекинут на версту,
И перила — словно струны
Золотые на мосту.

Из своих высоких окон,
Окружен толпою слуг,
Смотрит ясным царским оком,
Видит парк свой царь Кельбук.

Тополевые аллеи,
В берегах цементных — пруд,
Гуси-лебеди, белея,
Как по зеркалу плывут.

Сразу все заметишь нешто?
Лишь теперь подумал дед:
«Какова на мне одежда?»
Мол, по чину ли одет?

Посмотрел — одет не худо:
Бархат, шелк его наряд,
Пуговицы-изумруды
В два ряда на нем горят.

Сапоги — ну что литые!
Солица блещут на ногах!
И подковки золотые
На подборах-каблуках.

На столе — ларец добротный,
Крышка поднята, внутри
Золотых монет несчетно —
Сколь потребно, столь бери.

А по лестнице парадной
Сверху донизу ковер —
И со свитою нарядной
Царь спускается во двор.

Там богатую карету
Подают ему к крыльцу.
Все согласно этикету,
Царской должности к лицу.

Шесть коней в упряжке — сытых,
Гладких, рослых, конь в коня,
И летят из-под копыт их
Искры среди бела дня.

Толстозадый, гладкорожий,
Перья павы на башке —
Держит шелковые вожжи
Кучер в красном кушаке.

Без ухабов мостовая,
Ход рессорный, сел — кати.
Можно так, не уставая,
Целый год пробывать в пути.

С двух сторон кареты царской
По дороге-мостовой,
То ль уланский, то ль гусарский,
Многочисленный конвой.

Выправка у всех лихая,
Скажут — ну, в ноздрю ноздря,
И, нагайками махая,
Хлещут. Хлещут почему зря.

Едет царь в своей карете
Под охраной верных слуг,
Едет день, второй и третий, —
Думу думает Кельбук.

Все ему в окошко видно:
Пашут пашню мужички.
То ль завидно, то ли стыдно —
Взвять готов Кельбук с тоски.

Шут с ним, с царством! Сам вчерашний
Он крестьянин-хлебороб.
Эх, кабы домой, на пашню,
За сохой шагать по гроб!..

Вот что думает в карете
Всемогущий царь Кельбук.
Мужички, его заметив,
На колени наземь — бух!

Раздаются вопли, клики:
«Здравствуй, батюшка наш царь!
Смилосердствуй, наш великий
Повелитель-государь!»

А Кельбук-то царь добренек —
Свой народ — мужичья кость:
Из ларца черпнул он денег
Раз-другой, за горстью горсть,

И, до слез людьми растроган,
Им сочувствуя во всем,
Царь червонцами дорогу
Посыпает, как овсом.

Господа, о том проведав,
Тоже вышли, кто успел.
Но, увидев дармоедов,
Царь Кельбук рассвирепел:

«Кровососы, тунеядцы!
Не хочу на них смотреть.
Над народом измываться
Воли им не будет впредь!..»

Не из малых было царство.
Все его исколесив
И о нуждах и мытарствах
Мужичков порасспросив,

Возмущенный, огорченный,
Возвратился наконец
В той карете золоченой
Царь в роскошный свой дворец.

Два-три дня он не выходит,
Собственной своей рукой
Царь старательно выводит
О земле закон такой:

«Всей земли навек владетель
Ты, крестьянин трудовой...»
Был такой закон на свете
Обнародован впервой.

Но, закон издав земельный,
Заскучал Кельбук... Кажись,
Чем не жизнь? Но жить бездельно —
Ни к чему такая жизнь.

Жрешь четыре-пять раз на день,
Рябчиков, курей, гусей...
Как ни будь прозорлив, жаден —
Не умнешь той снеди всей.

Чтобы рожа больше пухла,
Чтоб красней была она,
Подает к столу стряпуха
Спозаранку штоф вина.

День-деньской все бьешь баклуши,
День-деньской все ешь да спишь,—
Вот и вздуло в две подушки
У Кельбука шею, вишь.

Вот и ходишь букой бука:
Эх, вернуться бы в село
Да крестьянствовать Кельбуку...
Ан помеха, как назло!

Не везет царю-страдальцу:
В то колечко б засвистел,
Да не снять колечка с пальца —
Больно палец растолстел.

Да и вправду стало больно:
Палец красен, палец синь, —
Мочи нет терпеть. Довольно!
Сгинь, царева должность, сгинь!

Лучше бы за тою девой
Вправо он тогда шагнул:
Не пойдя дорогой левой,
Дед бы горя не хлебнул.

Хлеб мужичий — всем известно —
Не калач. Но дело в том,
Нам он дорог тем, что честно
Был добыт своим трудом.

Эх, безделье — окаянство,
Знать, дано ты на беду!
Тянет деда на крестьянство —
В поле, к честному труду...

Палец свой кляня проклятый,
Бродит — забредает дед
В ту палату, где богатый
Для него готов обед.

Пирог, блины да сдоба,
Блюда дичи, блюда рыб...
Так в царе вскипела злоба —
Пот его до пят прошиб!

Весь от гнева он затрясся —
Накопилось-то давно,—
Со стола швыряет мясо,
Пироги, блины, вино.

Пошвырял за блюдом блюдо,
Хочет стол валить — тяжел.
Вдрызг — посуду. Дело худо:
Царь, никак, с ума сошел!

Жиром все шелка обляпал,
Разгромил бы весь дворец,
Увидал — и шваркнул на пол
Даже денежный ларец...

Гнев владыкам не в охулку —
Камердинер-бородач
Те червончики в шкатулку
Собирает окарачь.

Царь шкатулку отбирает,—
В страхе пьитися лакей,
А Кельбук в окно швыряет
Золото: «Эй, люди, эй!»

Птиц из птичника проворней
Из дворца и со двора
Под окне сбежалась дворня,
Горничные, повара:

«Царь наш батюшка, помилуй!
Ты скажи нам, не серчай,
Кухня ль в чем не угодила
Иль другой какой случай?..»

А Кельбук им грозно: «Баста!
Не желаю больше есть
Ваши жеваные яства,—
Слава богу, зубы есть!

Что мне в ваших обормотских
Перепелках?!
В молоке,
На желтке яичном клецки
Мне сготовьте в котелке!

Клецок сколько мне угодно
Я поем, чтоб сытым быть,
С погреба потом холодной
Пахты дайте мне попить.

Царский сладкий хлеб мне горек,—
Душу царством я сгублю.
В лес пойду. А ну, топорик!
Хоть дровишек нарублю.

Положи мне, экономка,
Хлеба черного ломоть
Да мясца кусок в котомку,
Соли в тряпочке щепоть...

Чем чесать затылки скопом,
Дрыхнуть да в безделье жить,
Не пора ли вам, холопам,
Руки к делу приложить?

Белоручки, балаболки,
Вам — чай да кренделя,
А придется для прополки
Всех вас выгнать на поля:

Разрослась трава-колючка,
Не прополешь — съест всю рожь.
Хоть бела как пена ручка,
Загрубеет — не умрешь...»

«Пощади! — раздался голос. —
Не губи нас, государь!»
Барышня — что солнце, волос,
Очи — голубая ярь.

«Царь! — кричит она. — Мой любимый.
Радость сердца моего!..»
И при всех целует в губы
Эта кралечка его.

Дед задохся: сердцу ль тесно,
Стал ли узок архалук?
В самый миг тот интересный
Просыпается Кельбук.

Ни той бырышни красивой
Синеглазой, ни хором,
А над ним — его же сивый
Старый мерин, тощ и хром.

По хозяину ль соскучась
(Больно долго дед лежал)
Или жаждою измучась,
Конь лицо его лизал.

«Вот тебе и поцелуй...
Да на кой они мне прах?!
Я те, Сивый, побалую!..
Так-то... походил в царях!..»

Сон, а пальцу больно!.. Нет ли
Чирья?.. Выжать бы дрянцо...»
Глядь — в рубашечную петлю
Палец втиснут как в кольцо!..

...Веет ветер благодатный,
Сушит волос на груди.
Час подходит предзакатный —
Время полдничать, поди.

Дед запряг одра худого,
Свистнул, в рысь хотел погнать...
Но про сон потом ни слова —
Совестился вспоминать.

Лишь однажды Урдемею
Дед — еще до Октября —
Тайн от друга не имея,
Все поведал, да и зря:

Урдемей известный мастер
Сочинять, и в этот раз
Он Кельбуков сон о счастье
Рассказал не без прикрас.

И во всей округе нашей
Часто слышишь и теперь,
Как один бедняк чувашин
Был царем — уж верь не верь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

БОРОДА

У Терентия изба
Кланялась, кривая,
В виде старого гриба
Век свой доживая.

Ни забора, ни плетня,
Вся во мху, невзрачна,
И смотрела на меня
Маленького мрачно.

На подпорках на гнилых
Кое-как держалась,
У своих и у чужих
Вызывая жалость.

Староста, у той избы
Созывая сходку,
Лез наверх и у трубы
Гаркал во всю глотку.

Там его со всех сторон
Видели прекрасно,
И грозил оттуда он
Яростно и властно.

Крыша драная была —
Голые стропила.
На стропилах тех росла
Буйная крапива.

Там рассевшись, писаря,
Грозные как боги,

Собирали для царя
У крестьян налоги.

С давних пор так повелось:
Люди — на собранье, —
А уж свежих прутьев воз
Там их ждал заране.

Писарей не упросить:
Ничему не внемля,
Кто не может уплатить —
Клали тех на землю.

Раздевали догола,
В грязь тряпье швыряя,
Истощенные тела
Злобно обнажая.

Писарь пел: «Не я, закон,
Бог тебе поможет».
И сдирал умело он
Со спины всю кожу.

Тонкий прут свистит, поет, —
Вот она, расправа!
И в сухую пыль течет
Ручеек кровавый.

Раны на телах нагих,
Черных струпьев корки...
Гнали их, полуживых,
В погреб после порки.

Сами же врывались в дом,
Сундуки вскрывали,
Все, что нажито трудом,
Жадно забирали.

Царь подписывал листы,
Разливая море
Безысходной нищеты,
Муки, боли, горя.

И крестьянина беда
Другом называла,
Привязалась навсегда
И не покидала.

Счастье ходит стороной,
Обитает выше,
Там, в конторе волостной
Под железной крышей.

Пахарь, труженик полей,
Век с нуждою бился,
А в котлах у писарей
Жирный гусь варился.

Вырвут белое перо
У большого гуся
И отпишут все добро
У крестьян, не труся.

Пот холодный выступал
И дрожали ноги,
Когда староста читал
Грозно про налоги.

Залезал он на избу
С буйною отвагой
И, рукой обняв трубу,
Потрясал бумагой.

Кучкой хлама и гнилья
Та изба казалась.
Вся Терентия семья
По миру слонялась,

Странствуя в родном краю,
Корки собирала
И всегда избу свою
На лето бросала.

И молчит изба давно
И глядит совою.
В ней окошечко одно,
Да и то кривое.

Жутко жметя на горбу
Та изба пустая,
Словно страшную судьбу
Людам предрекая.

Если звали мир на сход,
Чтоб собрать налоги,
Выступал у храбрых пот,
Подгибались ноги.

Как же той избе не стать
Всех мрачней, суровой,
Ведь пришлось ей повидать
Столько слез и крови!

Сходка. Но на этот раз
Речь не о налогах.
Мы увидим здесь сейчас
Богатеев многих.

Чтобы старосту избрать
Не из нищих рваных,
Кулаков собралась рать
В голубых кафтанах.

В те же дни, когда с костей
Людам шкуру драли,
Деревенских богачей
И не приглашали.

Неизвестен вкус беды
Семьям мироедов.
Были целы их зады,
Прутьев не отведав.

Вот они уселись в ряд —
Шеи налитые,
Лица круглые блестят,
Словно золотые.

Сзади жметя нищета,
Бедняки соседи,
Лиц сурова чернота,
Цвета старой меди.

Сколько дыр, прорех, заплат!
И под солнцем тело
Средь полей, колосьев, гряд
Дочерна сгорело.

Труд и пот... но жизнь плоха,
Вечно неудача,
Деревянная соха,
Старенькая кляча.

Год за годом бедняки
Тихо голодали,
Из коры, не из муки
Хлебы выпекали.

Вот на старую избу
Влез урядник тяжко.
Звонко брякнув о трубу,
Заблестела шашка.

Цвет мундира — голубой,
И усов зачесы,
Пуговиц сияет рой,
Желтых, словно осы.

Влез и лавочник. Живот —
Как большая бочка,
И по животу течет
Толстая цепочка.

Тут и мельник. Поглядел
С важностью привычной,
Весь от брюк до шляпы бел,
Весь в муке пшеничной.

«Нужен староста! Эй! Эй!
Есть ли предложенья?»
Тут поднялся Урдемей.
Все пришло в движенье.

Урдемей всех выше был —
Ростом в три аршина.
Поклонясь, заговорил
Просто, ясно, чинно:

«Соблюдать должны мы впредь
Свой обычай свято:
Должен староста иметь
Бороду с лопату.

Вот Кельбук! Найдете ль где
Бородатей? Птица
В этой славной бороде
Может заблудиться.

Если б жулик отрастил
Бороду такую,
Он бы в барах все ходил,
Жил бы в ус не дуя,

Стал бы толстым, а потом
В Питер перебрался,
И на карточке с царем
Он бы там снимался.

Да, с Кельбуком без беды
Можно жить, пожалуй.
И ума и бороды
У него немало».

«Ты, Кельбук! — шумят кругом. —
Был ты верным другом!»
Этот возглас словно гром
Прогремел над лугом.

«Эй, Кельбук!» — как будто лед
Тронулся весною.
«Эй, Кельбук!» — шумит народ
Громко пред избою.

«Эй, Кельбук!» — упрямый рев
Эхо подхватило
И в лесу среди дубов
Грозно повторило.

Тут скривил урядник рот,
Злобно обернулся,
Шашкою на весь народ
С крыши замахнулся.

Мироеды жмутся в круг
Злобно, молчаливо.
«Ох, опасен нам Кельбук!» —
Поп вздохнул трусливо;

Кажется, боялся: съест
Всех Кельбук негодный.
Над толпою поднял крест,
Чтобы гнев народный

Приостановить крестом.
Но народ, хмелея,
Раскричался, и притом
Все смелее, злее.

Картузы до облаков
В ярости бросали,
Уши чванных кулаков
Свистом оглушали.

И молчал один Кельбук,
Рта не раскрывая.
Медный он сосал чубук,
В кольца дым свивая.

Борода его длинна —
Всем на удивленье,
Пышно падала она
Прямо на колени.

О прекрасной бороде,
Мягкой и кудрявой,
Через весь уезд, везде
Прокатилась слава.

Он по ветру развевал
Этот веер пышный
И за пазуху совал
Пук волос излишний.

Бороду не мял он в ком,
Как иной неряха,
А работал гребешком
Бережно, как пряха.

«Эй, Кельбук, Кельбук, Кельбук!» —
Зычно даль гремела.
Сотни глоток этот звук
Повторяли смело.

Чей-то голос прозвучал:
«Выберем Сусмета!» —
Но не всякий разобрал
Даже имя это.

Как ты там ни хлопочи,
А в последнем счете
Старики-бородачи,
Те всегда в почете.

Старых надо почитать.
Это дело — свято.
Должен получить печать
Самый бородатый.

У богатых нет бород,
Нет бород хороших,
Что-то волос не растет
На кулацких рожах.

У Сусмета есть сады
И с товаром лавка,
Но на месте бороды
Только бородавка.

У Сусмета есть пруды,
Мельница и лодки,
Но на месте бороды
Что-то вроде щетки.

У Сусмета батраки
Трудятся все лето,
Всей деревни мужики —
Должники Сусмета.

Птиц, коров, земли, воды
Много у Сусмета,
Только длинной бороды
У Сусмета нету.

«Избран старостой Сусмет!
С этим все согласны.
И теперь на много лет
Вы ему подвластны!»

Так урядник возгласил
И, чтоб стало тише,
Величаво погрозил
Длинной шашкой с крыши.

«Надувательство! Обман!» —
Громкий крик раздался,
И как будто ураган
Вдруг в толпу ворвался.

«Да ведь это ложь! Обман!» —
Понеслось далеко
Средь лесов, ложбин, полян,
Над рекой широкой.

Урдемей вскочил. Глаза
Яростно сверкнули.
Шел вперед он как гроза —
В шуме, в блеске, в гуле.

Он кричал: «Обман! Обман!» —
Сквозь толпу шагая,
Шел он, гневом обуян,
Бурю поднимая.

И того, кто, как подлец,
Выкликнул Сусмета,
Он с презреньем под крестец
Пнул ногой за это.

К негодяю негодяй
Вышел на подмогу
И подставил невзначай
Урдемею ногу.

На упавшего верхом.
Кулаки насели
И устроили на нем
Вроде карусели.

Волосы наперебой
Так усердно рвали,
Словно это пред избой
Курицу щипали.

Услыхав сквозь крики вдруг
Стоны Урдемея,
Подбежал к нему Кельбук,
Гневом пламенея.

По затылкам, разъярясь,
Богатеев двинул
И рукою прямо в грязь
С Урдемея скинул.

Кто знаком был с кулаком
Той руки железной,
Знал, что с дедом Кельбуком
Драться бесполезно.

Кто с обычаем знаком
Битвы рукопашной,
Знал, что с дедом Кельбуком
Связываться страшно.

Урдемей векочил. Борьба
Сразу прекратилась.
По лицу его со лба
Кровь ручьем струилась.

У рубахи на плечах
Две дыры сквозные,
И веревки на лаптях
Лопнули тугие.

Лапти скинул Урдемей,
Поднял выше, выше,
Завертел сильней, сильней
И швырнул на крышу.

Рванный лапоток один
Полетел так ловко,
Что попу он угодил
По лицу веревкой.

Урдемей побрел домой.
Он шагал сердито —
Без рубахи и босой,
Рванный и избитый.

С ним Кельбук, угрюм и тих,
Вместе шел с собранья.
По горе бежали их
Тени великаньи.

Был Кельбука Урдемей
Выше головою.
Тень его — среди полей,
Даже за горою.

Выше всех был Урдемей.
Говоря по чести,
Не было его длинней
Никого в уезде.

«Ах, придет ли в край родной
Счастье и удача?» —
Так на улице пустой
Говорил он, плача.

«Век за веком — голод, страх.
Что же будет с нами?..»
Кровь смешалась на щеках
С горькими слезами.

Слезы горькие лились,
Ветер дул, играя,
На Кельбука сверху вниз
Капельки сдувая...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЗАКОН БУРОЙ КОРОВЫ

(Рассказ деда Кельбука)

Чувашскую книгу бурая корова съела.
Старая чувашская поговорка.
(Под бурой коровой подразуме-
валось самодержавие.)

Нет, не все еще, пожалуй,
Вымерли, кто день и ночь
Молоко коровы палой
И теперь хвалить не прочь.

У таких язык — гадюка.
Почему? Да ты смекни:
Жизни путь для нас был мука —
Им легко жилось в те дни.

Было масло в их оладках
И сметана в щах всегда —
Потому-то им и сладко
Те выхвалять года.

А коровища-бурена,
Та, что вывели цари,
Книгу правды и закона
Изжевала, что ни ври.

Проклятущая корова
Нас лишила всяких прав,
Нам копытами царево
Беззаконье прописав.

Проглотил закон коровий
Счастье, радость, жизни свет,
Пота нашего и крови
Напился за сотни лет!

Плеткой этого закона
Угнан из дому я был —
И, тузом бубен клейменный,
В каторжане угодил.

Тыщи верст прошел я пеший
До Сибири до самой.
А за что — изволь, утешу, —
Ты рассказ послушай мой.

В мелколесье утром ранним —
Дело было под семик¹ —
Веничков себе для бани
Наломал я, как привык.

¹ Семик — праздник поклонения душам умерших. Праздновался на седьмой неделе после пасхи, сопровождался завиванием венков, гаданиями и пр.

Повелось в народе нашем
И велось у нас века —
В бане парился чувашин
Накануне семика.

Не жалел ни рук, ни мыла,
Пот смывая трудовой,
Натирался — любо-мило —
Семиковою травой...

Так... Посконное бельишко
Заложил за поясок,
Сунул венички под мышку —
И покинул я лесок.

В баню, барина важнее,
Путь на радостях держу,
Мимо дома Урдемей
По деревне прохожу.

Средь двора, что огорожен
Был ореховым плетнем,
Он стоял на жердь похожий —
Три аршина было в нем.

Урдемей, меня заметя,
Снял суконный свой картуз,
Мне удач и долголетия
Пожелал, погладив ус,

И прибавил пожеланий:
«Табачок твой сладок будь,
Пар тебе будь сладок в бане,
Счастливи будь всегда твой путь!»

Другу я, само собою,
Сам того же пожелал,
Венички над головою
Покрутил — и зашагал...

В ивняке густом, в овражке
Банний белый пар клубит.
В бане труд забудешь тяжкий,
И нужду, и боль обид.

Чуть вошел я — будто снова
Был на божий свет рожден:
Все забыл, забыл коровы
Я бессовестный закон!

Думать ни о чем не в силе,
Кроме как о семике,
Я себя усердно мылю,
Словно моюсь на полке;

Поддаю побольше пару,
В руки венички беру —
И березовую парой
Бью себя я на пару.

Вот уж истинная сладость,
Рай чувашский, говорят!
Тут не только телу радость —
Тут душа ликует, брат!

То хлещу себя, то глажу
По спине, по животу, —
Кровь я в жилах будоражу,
Здоровею тут в поту.

А когда не станет мочи
Жар такой терпеть — вскочу
И себя холодной очень
Я водою окачу.

Будто молодость былую
Мне вернули, будто вновь
Девушку тайком целую,—
Так играет в жилах кровь.

Ох, парной полок мой банный,
Дух березовой листвы!
Тут и смерть была б желанной,
Коли знать хотите вы.

Я тут, как Иванов Павел —
С Верхней улицы мужик,—
Может, с радостью б оставил
Душу богу под семик.

А не то — хотя бы на ночь
Я готов остаться тут...
Слышу крик: «Эй, Бань Иваныч!
Живо! С податями ждут!»

Крик проклятого Сусмета,
Старосты. И так взяло
Зло меня — невзвидел света,
Аж ознобом затрясло.

Отвечаю: «Нет, не выйду,—
Пусть окончится семик!»
И лежу. Сусмета-гниду
Раздавил бы в этот миг.

Только выйди — непременно
Меду горького хлебнешь:
Мылит царь не мыльной пеной,
В том жару не отдохнешь.

Там не веточки березки,
Там не веничек парной —
По спине захлещут розги,
Пот тебя проймет иной.

Там, брат, париться научат —
Спину в кровь тебе натрут,
Да ведь мало что намучат —
В погреб битого запрут!

Царской бани мне не надо —
Мне мужичья хороша.
От буренушки награду
Получу и не спеша.

Банька нам нужнее рая...
Жму затылком я полок,
Ноги крепко упирая
В жаркий, склизкий потолок.

Ну-ка, венички, работать —
По плечам да по спине,
Чтоб ни разу слово «подать»
Хоть бы здесь не вспомнить мне!

Что и отдых, коль не банька,
Что и радость бедняку?..
А Суismet горланит: «Встань-ка,
Мешкать будешь — сволоку!»

Входит рыжий этот дьявол,
Слышу — зол и шибко пьян,
Дверь открытою оставил,
На меня идет, буян.

Подошел, вцепился в ляжку,
Потащил — и, как мешок,
Я упал, и ногу тяжко
Я об каменку ожег.

Больно было — словно в тело
Раскаленный вбили гвоздь.
Боль росла — и злость лютеля,
Отняла рассудок злость.

Взвыл я: «Ах ты, сын собачий!»
И на каменку плеснул
Три ковша, и пар горячий
Горло, как ножом, резнул.

«Ну, уж я тебя напарю,
Веничками угощу!»
И по гнусной пьяной харе
Я хлещу его, хлещу,

В этой адовой жарнице,
По ушам да по щекам.
«Все с тебя, собака, взыщем,
Что ты должен беднякам!..»

То рычал, то поросенком
Взвизгнул староста: «Разбой!» —
«Ах, гнилая ты душонка,
Пир затеян кем? Тобой!»

Но Сусмет уже, однако,
Отрезвел — и, изловчась,
Камень с полу хватъ — и драка
Смертная тут началась.

Он — одетый и обутый,
Я — весь в мыле, гол и бос.
Помню только — он как будто
Поскользнулся, царский пес,

Замахал не в лад руками,
Я его ногою — пих!—
И виском на тот же камень
Грохнулся он — и затих...

Тут я, голый, вон из бани —
И в реку с обрыва — прыг,
И в холодном том купанье
Всю беду я понял вмиг.

Долго взад-вперед я плывал
На груди и на спине...
Не уйти мне от расправы,
Заплатить Сибирью мне.

Опустила ветви ива —
Листья в воду слезы льют.
Облака плывут красиво,
На Сибирь они плывут.

От жучка от водяного
По воде круги бегут.
Завтра я жучка родного
Не увижу больше тут.

Слышу — крикают утята,
Утку-мать свою зовут.
Как жена да как ребята
Без меня-то проживут?

В чистом, праздничном исподнем
По деревне я кружу.
Пьян ли, хвор ли я сегодня —
Чуть хожу и все дрожу.

...Утром взяли. Ну, конечно,
Становой меня избил.
Я на каторгу навечно
В кандалах отправлен был...

Дед мой сгиб, а я-то выжил:
Октябрем освобожден,
Я домой вернулся, вижу —
Сдох буренушкин закон!

Хоть недавний каторжанин,
А в деревне нашей всей
Гостя не было желанней
У родни, у всех друзей.

Как на праздник накрывали
В честь меня везде столы,
Выпивали, пировали:
«Снял Кельбук наш кандалы!

От коровы бурой тяжко
Пострадал ты, богатырь!»
И везде петушьей ляжкой
Угощали за Сибирь¹.

¹ Петушьей ляжкой угощают самого почетного гостя.

Всюду мне на главном месте
Стул с подушкой был готов,
Всюду много было чести
И душевных много слов...

Я с тех пор немало видел,
Не один был трудный год,
А на жизнь я не в обиде,
Жизнь моя — что сладкий мед.

Дождь прошел — в саду плодовом
Распоется соловей.

Как тебе сказать?.. Ну, словом...
Так вот и в душе моей!

В жизни я водой проточной —
Не стоячей быть хочу.
Возраст мой хоть сверхурочный —
Дай работы мне, хрычу.

Утром, чуть забрезжит небо,
Выйду в поле, как всегда,
И нескошенного хлеба
Достигает борода.

Выйду в поле — там ли, здесь ли —
Молодежь мне даст отчет.
Как поется в нашей песне:
«Старикам у нас почет».

На родных полях по зорькам
Мне прогулка так сладка.
Только баню вспомнить горько
Накануне семика.

ГЛАВА ПЯТАЯ

КУНЬЯ ШАПКА УРДЕМЕЯ

В старой шляпе из поярка
Он ходил, имел штаны
Из поскони-перестарка,
Две рубахи — дар жены.

И — цивильская¹ покупка —
Медь отделка, прочный бук —
Урдемей гордился трубкой,
Только был кургуз чубук.

Не был он кургуз сначала,
Но заместо табака
Урдемей курил, случалось,
Даже стружку с чубука.

Ну, а лапти коль продаст он,
Тут себе четвертачок
Урывал (хоть и не часто)
Урдемей на табачок...

...Громом вдруг загрохотала
Весть, знаменами горя:
Революция настала,—
Сказывают — нет царя!

Парни, девки, деды, бабки —
Стал народ умен да смел,
А иначе — куньей шапки
Урдемей бы не имел.

¹ Цивильск — город в Чувашской АССР.

Хоть до старости и дожил,
А как весь народ — в борьбе
Счастье новой жизни тоже
Добывать он стал себе.

Воля без земли — не воля,
А земля-то у господ:
Кто топор, а кто дреколье —
Землю брать идет народ.

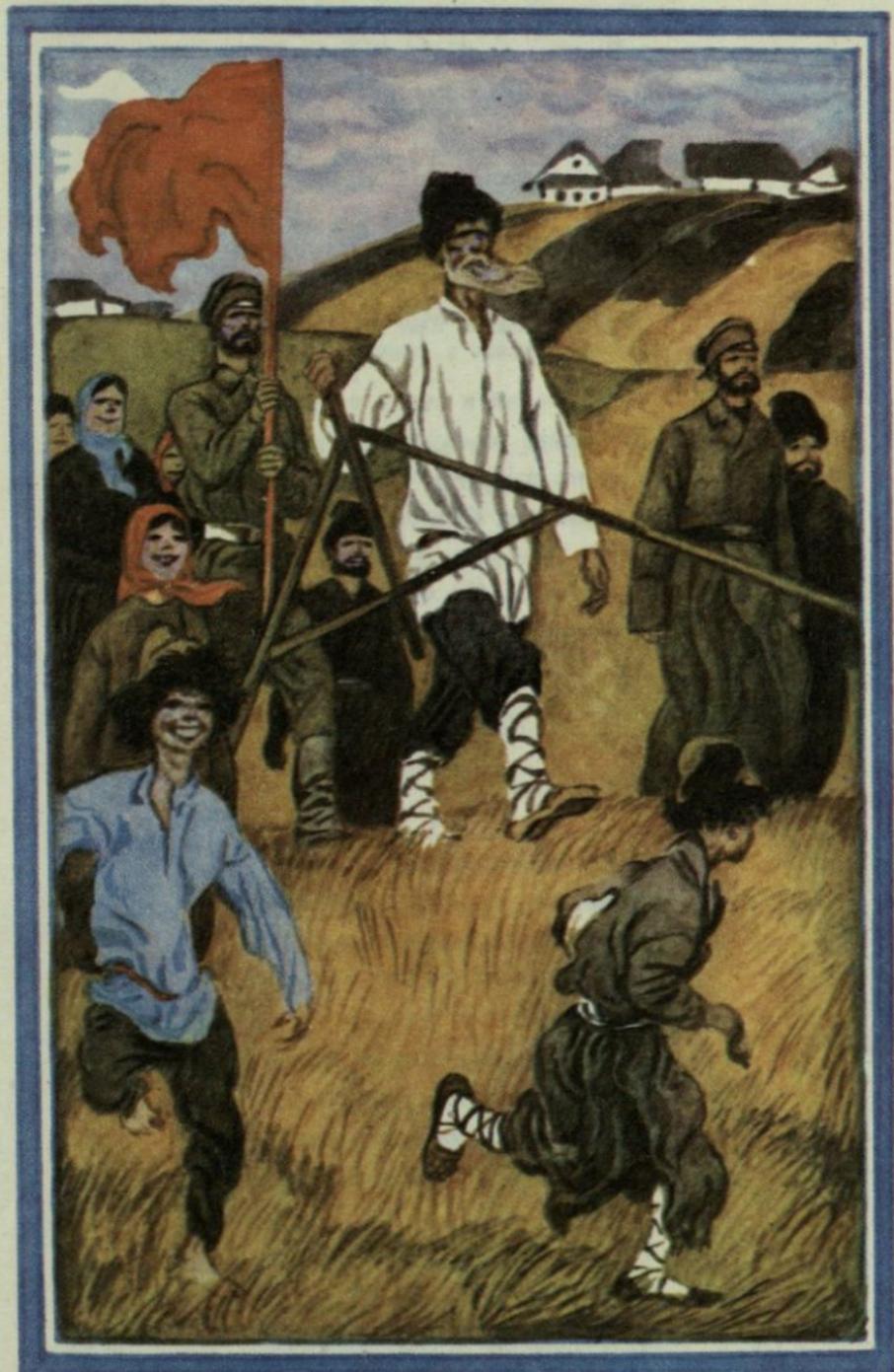
Палкою вооруженный,
Чтоб зарубками на ней
Метить пахоты загоны,—
Тут и дядя Урдемей.

А доверенный народа
С поднятою головой —
Дед Кельбук длиннобородый
Впереди как межевой.

Землю барскую он делит —
Мельтешит сажень в руках.
Дед людей не обмишулит —
Помнит он о бедняках.

Вдруг в коляске-фаэтоне
(Пара кровных лошадей)
По шоссе, как от погони,
Мчится барин, граф-злодей.

«Удирать решил, собака,
У народа не спросясь!
А проститься-то, однако,
Не мешало б, вашисясь!»

На дорогу скопом вышли:
«Барин, стой!» А Урдемей,
Страх забыв, повис на дышле —
И остановил коней.

Барин в генеральском чине —
Бледный, нет на нем лица, —
Смерти ждет, — по той причине
Кроток ныне, как овца.

А давно ли в страх и трепет
Повергал он мужиков?
Где ни встретит — в ухо влепит:
«Знаю вас, бунтовщиков!»

А теперь... Но что за штуку
Урдемей с ним разыграл:
«Добрый барин-граф, а ну-ка...
Скинь мундирчик, генерал!»

Тот в ответ:

«Ах, честь имею...
Вот... пожалуйста...» А сам
Надевает Урдмеев
Грязный, латаный азиям.

Урдемей:

«И с лентой красной
Шаровары мне нужны!»
Генерал, на все согласный,
Скидывает и штаны,

Сам в посконные влезает
Он портки худые... ух!
Барин был, а кто узнает?
Кой там граф? Мужик-пастух!

А была еще на графе
Кунья шапка. Урдемей
Снял, примерил: «Во, потрафил
Барин шапкой мне своей!»

Генерал от страха даже
Будто разум потерял.
Урдемей кричит в кураже:
«Сам теперь я генерал!»

Мужики глядят — хохочут,
Надрывают животы,
Те свистят, а те гогочут, —
Было графу срамоты!

Испугались шума кони —
Как взвились, как понесли,
Генерала в фаэтоне
Этим только и спасли.

Понесли в жнивье. Коляска
Прыгает, гремит, — гляди,
Барину такая тряска
Сбавит брюхо, погоди!

Ну, а дядя Урдемей-то?
Вишь как голову задрал:
Не солдат и не ефрейтор —
Настоящий генерал!

Чистым золотом пылают
Эполеточки на нем.
«Граф!.. Царю он, Николаю,
Сродственничек!.. Признаем...»

Из добротного товара
Генеральский тот мундир,
А спадают шаровары —
Не беда, зато без дыр!

Все хохочут до упаду,
И выходит дед Кельбук:
«При таком бы чине надо,
Чтоб не так был куц чубук!»

«Чубуки для генерала
Из рябины хороши!» —
«Слышь, на курево, пожалуй,
Впредь чубук ты не кроши!..»

«Нет, теперь на огороде
Накрошит он табачка». —
«Генерал!..» —

«А все же вроде
Бороденка-то редка!..»

«Полагается пышнее
Генералам борода...» —
«А к тому вдобавок — шея
Чтоб не так была худа!..»

«Дядя Урдмей, ты что же!
Как же так ты проморгал?
Генерал — да без сапожек?!
Лапотный ты генерал!..»

Да и верно! Срам-то сущий —
При лаптях остался! Эх!
И народ хохочет пуще —
Прошибает слезы смех.

Стар и мал — кто как умеет —
Ради острого словца
Рад над дядей Урдеем
Потешаться без конца.

Ну, а сам — как именинник
Стал ходить с того он дня:
«За версту в деревне ныне
Каждый узнает меня!..»

Разговор об Урдеем
И в окрестности пошел:
На базаре в Белебее
Сапоги, мол, приобрел!

Он на свой мундир трофейный
Сесть пылинке не давал
И его благоговейно
Только в гости надевал.

Но, почетным сидя гостем,
Куньей шапки с головы
Ни за что не снимет — бросьте
Намекать об этом вы...

Много лет минуло, много
Утекло весенних вод,
И одежды, слава богу,
Много износил народ.

Ведь недавно малышами
Этот был да тот — пойми, —
А теперь уже и сами
Пообзавелись детьми!

Урдеева борода
Хоть жидка, как и была,
Но не только в ней середка —
Вся она давно бела.

Время зайцем отмелькало —
Вспоминается едва,
Но одежда генерала
Все по-прежнему нова.

И была б она сохранна
Впредь на долгие года,
Коль негаданно-нежданно
Не случилась бы беда.

Урдемей бы и поныне
В куньей шапке щеголял,
И никто б его разиней,
Как теперь, не называл...

...Поле около болота
Под горох отвел колхоз.
Под горох! Из-за него-то
Горе это и стряслось.

Нет гороху там спасенья
По ночам от журавлей,
И гонять их назначенье
Получает Урдемей.

День был облачен, прохладен,
Стар был дядя Урдемей,
И решил одеться дядя
На ночь глядя потеплей.

Он мундир надел свой графский,
Будто праздник был в тот день,
И, как генерал заправский,
Кунью шапку набекрень.

И, одетый так нарядно,
Урдемей почти всю ночь
С журавлиной стаей жадной
Воевал: «Обжоры, прочь!»

Но под утро обессилел
И заснул, да так, увы,
Что собаки утащили
Кунью шапку с головы —

Рвали, драли эту шапку,
Потрепали мех в зубах,
Поиграли — и, как тряпку,
Где-то бросили в хлебах.

Урдемей проснулся скоро —
Выпада роса на лоб.
«Ох ты грех! А вдруг бы воры?
Плохо кончиться могло б!»

Хвать, а где его куница —
Шапка?! Кто ж ее украл?!
Ври теперь да лебылицы
Всем плети, а ведь не врал!

«Эх, растяпа ты, растяпа!..»
День настал — злосчастный день.
На горе свою растрепу
Видит он, без шапки, тень —

И, своей обижен тенью,
Проклинает журавлей:
«Всем вам грош цена в сравненье
С куньей шапкою моей!

Улетайте восвояси,
Прочь из наших деревень!
Вас на варево — так в мясе
Проку нету: дрянь, ремень!»

Обозвал он обормотом
И Кельбука: как, мол, мог
Дать совет, чтоб под болотом
Высевал колхоз горох?

Журавлиным-то недаром
Было прозвано оно.
Надо помнить людям старым,
Где и что расти должно!

«Да и сам я на собранье
На весеннем, дуралей,
Как не вспомнил этой дряни —
Ненасытных журавлей?!

Клепок, видно, не хватает...
Постарел... Эх, боже мой!..» —
Сам с собою рассуждает
Урдемей, плетясь домой.

«На перине хоть немного
Отдохнет душа авось...» —
«Шапка где?» — спросила строго
Баба дома... Началось!

«Шел я, это, значит, мостом...
Шел... а ветер тут назло...
Как задул... и очень просто...
Мигом шапку-то снесло.

Я к реке... ну что есть духу...
Да ведь сил у старика
Хватит ли?.. Смекай, старуха:
Шапку унесла река...»

Уши этой отговоркой
Всем успел он прожужжать.
Время шло — пришла уборка,
Стали хлеб на поле жать.

Под вечер случилось дело:
Жнейку лошади везли,—
Перепелочка взлетела
Словно бы из-под земли.

Где гнездо перепелицы?
«Бабоньки, глядите, во!»
В куньей шапке молодежи
Обнаружили его.

Урдемей скребет затылок:
Что тут скажешь? Лги не лги —
От насмешек, от ухмылок
Просто с поля хоть беги.

Очень стыдно... А старуха,
Урдеева жена,
Размахнулась — раз — и в ухо!
Дважды, трижды: «На, на, на!

Это за твой ветер — помни!
Это за твой мост даю.
Это вот за стыд огромный —
За себя, за всю семью!..»

Без намерения злого
Ложный мост мостить привык,
Но теперь сказать ни слова
Не решается старик.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

СТРАХ

(Рассказ деда Кельбука)

Я встречал медведя, волка,
Псов свирепых иногда,
Но о них не думал долго,
Не боялся никогда.

О многоголовом змее
Устрашающий рассказ,
Возле печки ноги грея,
В детстве я слышал не раз.

Сказка та струилась гладко
Возле уха моего,
Я ж дремал у печки сладко,
Не боялся ничего.

Не дрожал в реке опасной,
Не дрожал в глухих лесах,
Но при белых понял ясно,
Что такое значит страх.

Если кто припоминает
Вслух при мне тот жуткий год,
От испуга выступает
У меня холодный пот.

Снег везде лежал мохнатый.
Утро. Только рассвело —
Распроклятые солдаты
В наше въехали село.

Как припомню трубы, знамя,
Конский храп, а на коне
Харю с пышными усами —
Закипает злость во мне.

Люди в нищете, в загоне,
Голод, плач, а у солдат,
Как яички, гладки кони,
Скачут, ржут, за рядом ряд.

Крики, стоны, ругань, пенье,
Все клокочет, как в котле.
Грабежи и притеснения
Сразу начались в селе.

Петушок ли крикнул рано,
Гусь ли гоготнул вослед,—
Хлопнет выстрел из нагана —
Бац!— и сразу птицы нет.

Сам же в дом внесет:

«Вставай-ка!

Не ленись! Зажарь в печи!»
Растопляет печь хозяйка,
Слезы льет на кирпичи.

Вечно пьяный, от безделья
Врет, куражится солдат.
Так в бессмысленном веселье
И в похмелье дни летят.

Бродят сонные, хмельные,
А наскучит пить и жрать —
Примутся за шутки злые,
Чтобы время скоротать.

Вырос в сытости и в холе
Страшный бык у кулака.
Люди падали, на воле
Встретив этого быка.

Упадешь, так бык не тронет,
Но коль пустишься ты в бег —
Все пропало. Он догонит
И швырнет рогами в снег.

Раз быка сосед мой встретил
Прямо у своих дверей
И, едва его заметил,
В доме спрятался скорей.

Он глядит в окно в испуге.
Бык рогами в стену пнул,
Злой, храпящий от натуги —
Раз!— и дом перевернул.

Белые, хмельного пойла
Нахлебавшись через край,
Вывели быка из стойла.
Говорят:

«Ступай! Гуляй!»

Для начала, для разгона —
Не жалеют, псы, добро —
Дали зверю самогона
Выпить — полное ведро.

Выпил бык ведро, как чарку,
Низко голову нагнул,
Захрипел свирепо, жарко,
Рыхлый снег швырнул, взметнул —

Словно вдруг буран поднялся,—
Опустил концы рогов
И стремительно помчался
На лихих весельчаков.

На потеху рожам пьяным
Сразу же один солдат
Был тем зверем окаянным
К крепкому плетню прижат.

Вот, под хохот, вверх ногами
В воздух он взлетел, и вот —
Бык могучими рогами
Распорол ему живот.

Тут все шашки обнажили
И давай рубить сплеча.
Двор мгновенно затопили
Бычьей кровью, хохоча.

В нашем доме на квартире
Белый поп тогда стоял,
Всех он выше был и шире,
По барану в день съедал.

Встанет — как не подивиться —
В потолок стучит башкой.
Ступит — стонут половицы
Под тяжелою ногой.

Как-то раз, когда настала
Ночь и в окна вспыхнул свет,
Принесли от генерала
Моему попу пакет.

Вот конверт он разрывает,
А в конверте том приказ:
Генерал повелевает
Ехать в дальний путь тотчас.

Сани хороши поповы,
Мягким крытые ковром!
На конях его попоны,
Колокольчики — как гром.

Обещая дать по шее,
Взял меня он в ямщики.
Извиваются как змеи
Воронные рысаки.

Ну и шуба — загляденье!
Не замерзнешь в ней никак.
Сразу занял все сиденье
Краснолицый поп-толстяк.

В той заплатанной одеже,
Что была тогда на мне,
Было холодно до дрожи,
До мурашек на спине.

Леденил мне уши ветер,
Снегом сыпал по щекам.
Неуютно жить на свете
Безземельным беднякам.

Я сижу на козлах, словно
Старый дятел на суку.
Кони скачут быстро, ровно,
Снег взметают на скаку.

Месяц в тучах надо мною —
Скрылся, глянул, вновь исчез.
Позади — село родное,
Впереди — дремучий лес.

Слышу — глухо ухнул филин
В темных призрачных кустах.
Стало жутко. Я бессилен
Отогнать неясный страх.

Не разбойники ль таятся
Там, среди этих черных пней?
Впрочем, бедному ль бояться
Нападений, грабежей?

И, однако же, дорога
Мне страшна в глуши лесной,
И звенит, звенит тревога
В колокольцах под дугой.

Поп укрыл под шапкой волос
И не слышит ничего.
Задремал. Медвежья полость
Греет ласково его.

Вдруг, я слышу, захрапели
Кони. Прянули назад.
Я на козлах еле-еле
Удержался. Вижу ряд

Неподвижный, чуть приметный
Странных, страшных огоньков.
А! Так вот он, час мой смертный!
Стая грозная волков!

Нет, бояться их негоже.
Я коней своих стегнул,
Гикнул яростно и вожжи
Разом крепко натянул.

Кони вздрогнули, рванули,
Дернули и скачут вновь.
Мы несемся в звоне, в гуле,
Разыгралась в жилах кровь.

Ветер, мне в лицо летящий,
Весело свистит в ушах.
Вижу — выехал из чащи,
Вижу — избы на буграх.

Лошади приходят в чувство.
Тут в кулак я вожжи сгреб,
Обернулся, глянул — пусто!
Что мне делать? Выпал поп.

Вот когда мне страшно стало.
Что же сбудется со мной?
Тихо ночь прошла. Светало.
Надо ехать мне домой.

Не вернусь — мой дом из мести
Пусть белые на слом,
Все разграбят честь по чести,
По бревну растащат дом.

Поп растерзан был волками,
И за волчьих те грехи
По миру пойдут с клюками
Три любимые снохи.

Не вернусь — так эти звери
Подожгут мое село.
А народ мне не поверит,
Не простит такое зло.

Лучше смерть. Я стиснул зубы.
Мчусь назад. Трещит мороз.
Еду. Вижу — клочья шубы,
Клочья рясы и волос.

Жуток был мой путь обратный.
Всюду, всюду пира след.
Волки ели аккуратно:
Ни кусочка мяса нет.

Только кости, крест нательный,
Пятна крови на снегах.
И затащенные в ельник
Ноги в новых сапогах.

Я собрал пона останки,
По суставчикам собрал,
Уложил их робко в санки
И коней домой погнал.

Час ли, два ли пролетело,
И приехал я назад,
И вошел я в этот белый
Штаб, как, верно, входят в ад.

Говорить мне было трудно,
Но я все сказал, что мог,
Подав кости, крест нагрудный,
Пару страшную сапог.

Но они не верят в волка...
«Ты убийца? Отвечай!..»
Били плетью, били долго,
После заперли в сарай.

Я лежу в углу и мерзну,
Хоть бока мои горят,
И внезапно слышу: грозно
Разрывается снаряд.

Конский топот. Гул орудий
И винтовок разговор...
Что теперь со мною будет?
Как бы мне сломать запор?

Нету сил... Какая стужа...
Ночь ли или день теперь?..
Кто это стучит снаружи?
Кто срывает с петель дверь?

«Красные пришли! Свобода!
Выходи, Кельбук, скорей!»
И смотрю: стоит у входа
Мой приятель Урдемей.

ЧЕЛОВЕК В ШИНЕЛИ

(Рассказ деда Кельбука)

Стужа. Знаете вы сами,
Как мороз январский жгуч.
Мутное, с тремя ушами,
Смотрит солнце из-за туч.

В дни такие даже птица
Коченеет на лету,
Мерзнут ноги, мерзнут лица,
Стынет даже зуб во рту.

Высоки сугробы в поле;
Не раскрыть озябших век,—
Щурятся глаза от боли,
Утомясь глядеть на снег.

Дым взлетает струйкой ровной,
Вся в сосульках борода,
И трещат сухие бревна
И стреляют иногда.

Небо было голубое,
И чиста была лазурь;
Все твердило о покое
И не предвещало бурь.

Я свою кобылку в санки,
Солнцу радуясь, запрёг
И поехал спозаранку
За дровишками в лесок.

Старый лес под солнцем замер;
Белизна и тишина;

Только дятлы бьют носами
Да скрипит вдали сосна.

Надо мною пар морозный;
Мой топорик — тук-тук-тук!
Неподвижный зимний воздух
Далеко разносит звук.

Я рубил сухую елку
И не ждал, признаться, бед.
Вдруг за лесом выстрел щелкнул.
Это что?

Охотник?

Нет!

Перестрелка в отдаленье...
Значит, стали вновь стрелять,
Значит, к нашему селенью
Подошла война опять!

Уж давно война бродила
В нашей местности кругом
И порою заходила
К нам в деревню, в гости, в дом.

И бывало так порою:
Белые займут холмы,
Лагерь красных — под горою,
А посередине — мы.

И орудия гудели,
И тряслась, тряслась изба,
И на целые недели
Люди лезли в погреба.

Вот и нынче — одинокий,
Долго я в лесу стоял
И конца стрельбы жестокой
С беспокойством ожидал.

Время шло за полдень. Поздно.
Тише, друг топор, молчи.
Руки мерзнут, ноги мерзнут,
Эх, лежать бы на печи!

В Красной Армии три сына
У меня. Всегда в боях.
И тащу я, старичина,
Все хозяйство на плечах.

На весь дом один мужчина,
И справляюсь я едва.
Где лучина, старичина?
Старичина, где дрова?

Видно, вдаль ушло сражение,
Тишина в глуши лесной.
В сани уложив поленья,
Я направился домой.

Но уже темнеет. К ночи
Дело. Мрак встает, как мост.
Правду говорят: короче
Зимний день, чем зайца хвост.

Да к тому же и погода
Стала хуже. Взметена
Вверх по склону небосвода
Туча — толстая копна.

Это скверная примета.
Вот под ветром стонет ель,
Снег летит. И значит это:
Будет много дней метель.

А у нас страшны метели —
Ни проехать, ни пройти.
Часто целые недели
Мы сидели взаперти.

Чтобы через двор до хлева,
До скотины добежать,
Чтоб ни вправо и ни влево
Понапрасну не плутать,

Мы веревочку тянули;
За веревочку держась,
Шли сквозь муть и то тонули,
В снег по шею провалясь.

Тяжела метель в дороге, —
В мгле деревни не найдешь,
Побредешь, устанут ноги,
Упадешь и пропадешь.

Я лошадку подгоняю
И скорей бежать велю,
По спине ее стегаю,
Громким криком тороплю.

Ветер треплет полог снежный,
Словно мягкий лен прядет;
Он то ласково и нежно,
То с угрозою поет.

Лошадь вдруг остановилась
И полозьев скрип умолк.
Это что, скажи на милость?
Неужели снова волк?

Я, хотя слегка робею,
Прыгнул в снег, вперед бегу.
Перед лошадью моею,
Глядь, три трупа на снегу.

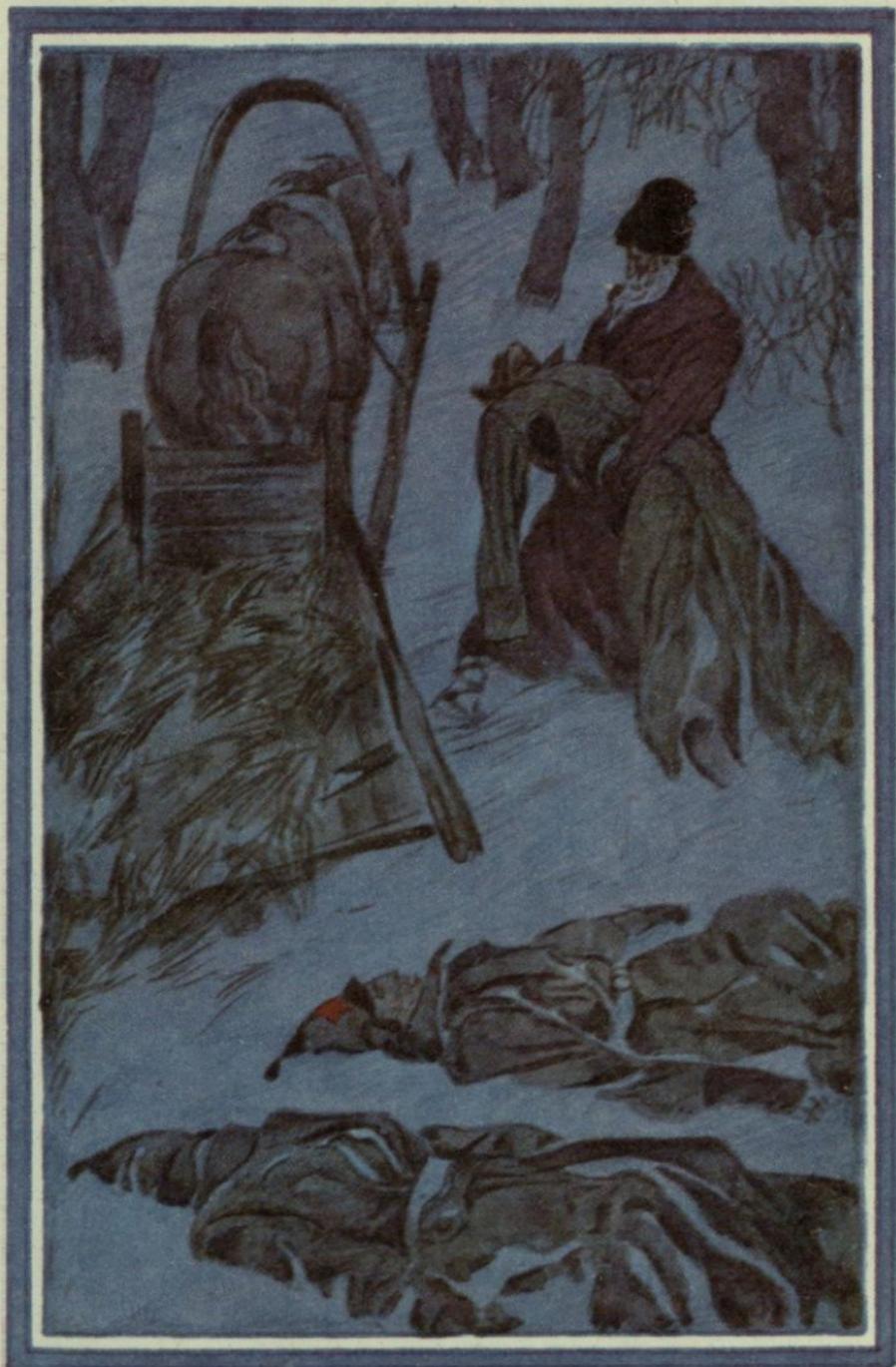
Значит, лошадь услышала
Запах крови, поняла
И ступить не пожелала
На простертые тела.

Здесь боролись, здесь сражались,
Бились славно до конца
И лежать в снегу остались
Три пригожих молодца,

Три разведчика лихие,
Что, в борьбе за нашу власть,
Исходили всю Россию,
Чтобы здесь на снег упасть.

В бой за ленинское дело
Шли они, пришли сюда,
И на шлемах их горела
Ярко-красная звезда.

Снег, бесшумно налетая,
По шинелям порошил,
Ласков, словно мать родная,
Потеплей укрыть спешил.

Здесь их шашками рубили...
Старые мои глаза,
Что давненько слез не лили,
Отуманила слеза.

Дни и ночи ждут в тревоге
Матери сынов своих —
А играет на дороге
Ветер волосами их.

Где-то дорогого друга
Девушка, тоскуя, ждет —
А его, целуя, вьюга
Скоро снегом заметет.

Не на дедовском погосте
Вечный им вкушать покой.
Сквозь их вымытые кости
Прорастет трава весной...

Очи мертвые их прямо
В небо над собой глядят...
Вдруг я слышу: слово «мама»
Тихо прошептал солдат.

Жив еще!

Но ты напрасно,
Умирая, кличешь мать.
Ей, далекой, ей, несчастной,
Сына стон не услышать.

Сам с сынами я расстался...
Жизнь свою тебе отдам!
Чтоб ты только жить остался,
Умереть готов я сам.

Кто ты? Кажется, нездешний...
Все равно. Спаси! Скорей!
И дрова свои поспешно
Стал я скидывать с саней.

Только бы спасти солдата!
Только б он дышал и жил!
Поднял я его, как брата,
Поднял, в сани уложил.

Холодны, конечно, сани...
Впрочем, я и сам раздет:
Кроме старой-старой рвани,
Ничего на теле нет.

Ну, а как же эти двое?
Нет, в глазах у них темно
И дыхание живое
Их оставило давно.

Кончились все ваши муки...
Вам уже нельзя помочь...
Вожжи взяв покрепче в руки,
Я поехал в бурю, в ночь.

Нет, еще такого ветра
Никогда я не видал!
Не проехав километра,
Я дорогу потерял.

Там, где прежде было поле,
Лишь круженье тьмы теперь.
Буря тешится на воле
И рычит, как дикий зверь.

Словно царь-змея из сказки
Расплясалась на лугу,
Стонет, воеет в злобной пляске
И трясет мою дугу.

Словно кто-то в ухо шепчет
Злые, лживые слова...
Я вцепляюсь в вожжи крепче
И от страха жив едва.

Лошади почти не видно.
Где ж дорогу тут искать?
И, однако же, обидно
Возле дома погибать.

В стуже злой, в пурге жестокой
Сгину, снегом занесен...
Вдруг услышал я далекий,
Еле различимый звон.

Есть у нас обычай древний,
Охраняемый досель:
Колокол звонит в деревне,
Чуть подымется метель.

Этим колоколом много
Бедных путников спасли,
Указали им дорогу
И в деревню привели.

Я, лишь звон коснулся уха,
Крикнул лошади:

«Пошла!»

И она, в снегу по брюхо,
Вся натужась, поплыла.

Ум ее не раз испытан.
Ох, умна, хотя нема!
Землю щупая копытом,
Отыскала путь сама.

Чтоб солдат не простудился,
Я прикрыл его полкой,
Низко я над ним склонился,
Грел дыханием порой.

Только б не проехать мимо,
Не попасть опять в поля...
Вдруг я слышу запах дыма,
Запах ужина, жилья.

Едем, едем... Ближе... ближе...
Я плясать и петь готов!
Я сейчас сквозь снег увижу
Пятна темные домов!

Вот уже в буран косматый
Свет из окон полился,
Чуть приметный, желтоватый,
Словно зернышки овса.

До избы уж недалеко,
Но подъехать тяжело —
Всю ее до самых окон
Рыхлым снегом замело.

Кое-как открыл ворота...
Вот во двор въезжаю я.
На крыльце как будто кто-то...
Три снохи! Жена моя!..

Ах, они уже не ждали!
День прошел. Буран. Темно.
Горько слезы проливали,
Не надеялись давно.

Младшая сноха конягу,
Распрягла; мы ж из саней
Вынули бойца-беднягу
И в избу внесли скорей.

Валенки замерзшей крови,
Вижу, доверху полны;
Русые ресницы, брови;
Щеки мертвенно-бледны.

Начал только пробиваться
На губе его пушок.
Сколько лет ему? Семнадцать?
Молод, молод паренек!..

Мог бы он еще по праву
И резвиться и играть,
Он же воинскую славу
Предпочел себе избрать.

Слово Ленина услышал
И, родной оставив дом,
За народ на битву вышел,
На смертельный бой с врагом.

Валенки, разрезав, сняли
Мы с его замерзших ног,
Долго руки растирали,
Чтоб он ими двинуть мог.

А жена травы лечебной
Поспешила заварить,
Чтобы тот настой целебный,
Пошептавши, в раны влить.

Вот снята с него рубаха.
Я, лишь раны увидал,
От печали и от страха
В голос так и зарыдал.

Да, изрублено все тело
Шашкой вдоль и поперек.
Надобно лечить умело,
Чтоб несчастный выжить мог.

Есть и доктор — верст за двадцать...
Съездить? Что ты! Донесут!
Не доехать, не добраться —
Голову тебе снесут.

Доктор надобен... Однако
Как проехать двадцать верст?
Страшно. Ныне и собака
Бегает, поджавши хвост.

Пуля — вот награда смелых.
Пропадет моя семья.
Бедный человек для белых
Не дороже воробья...

Тут моя старуха слово
Вымолвила неспроста:
«Дайте мне холста льняного,
Мною тканного холста!..»

Холст, ее ж руками тканый,
Разорвала и потом
Все перевязала раны
У солдата тем холстом.

Женщина она, конечно,
Неученая была,
Но детей она успешно
Вырастила, подняла.

И с детьми не раз, бывало,
Приключалась беда,
На врача же не хватало
Наших денег никогда.

Горе — лучшая наука.
Детвору свою леча,
Старая жена Кельбука
Выучилась на врача.

Понимала толк и в травах,
И в кореньях, и в грибах,
Собирала их в дубравах
И сушила их в сенах.

Вот она траву сварила,
Положила в ковшик мед
И солдата накормила,
Раздвигая ложкой рот.

Под израненную спину
Подложила для тепла
Мягкую свою перину,
Одеяло отдала,

Отнесла потом от окон,
Занавесила всего,
Чтоб никто бы ненароком
Не увидел вдруг его.

Коль увидят — разболтают,
А боялись мы молвы:
Если белые узнают,
Не снести мне головы.

И назавтра утром рано
Я чуть свет вскочил от сна
И от черного кафтана
Отодрал лоскут сукна;

Тот лоскут пред самым дымом
На ворота нацепив,
Всем знакомым, незнакомым
Дал я знать, что в доме тиф.

И лоскут поведал сразу,
Развеваясь на ветру,
Что Кельбук схватил заразу,
Что Кельбук лежит в жару.

Снежный вихрь лоскут колышет,
Люди с ужасом глядят.
«Свекор-батюшка чуть дышит», —
Три снохи мои твердят.

Тиф — он всякого пугает.
Не хотят лежать в гробу,
И никто не посещает
Тихую мою избу.

Впрочем, к нам, как встарь, являлся
Милый друг мой Урдемей,—
Лоскута не испугался
Он один из всех людей.

Трое суток свист метели,
Снега шелест, ветра вой.
Трое суток на постели
Вел солдат со смертью бой.

Через трое суток нежно
Засияли небеса,
Весь простор открылся снежный —
Все поляны, все леса.

Птички, прячась от метели,
Голодали долгий срок,
А теперь повеселели
И по веткам скок да скок.

Выше, выше лезет солнце
И лучи повсюду шлет.
В нашем маленьком оконце
Уж заплакал, тая, лед.

На стекле лучи так пышно,
Так приветливо горят.
«Где я?» — прошептал чуть слышно,
Голову подняв, солдат.

Русских слов я знал не много.
Кое-как я рассказал:
«Лес... мороз... метель... дорога...
На дороге ты лежал...»

Если мой язык дубовый
Слова вдруг не находил,
Я глазами и без слова
Все, что надо, говорил.

Долго, тихий, молчаливый,
Привыкал он к нам, к избе,
Но потом неторопливо
Все поведал о себе.

Русский он, из-под Казани...
Вот бы дома побывать!..
Там, на речке Черемшане,
Ждут его отец и мать...

«Коммунист?» —

«Я коммунистом

Был и быть хочу вовек.
Коммунист — он сердцем чистым
Самый лучший человек.

Пусть враги меня терзают,
Пусть меня пытаются, жгут —
Коммунисты умирают,
Но народ не предают.

Богатей бедных мучат;
Ты ж иди, хоть путь тернист,
В бой за бедных. Так нас учит
Ленин — первый коммунист».

Быстро мчались дни за днями,
Силы в нем росли, росли.
Как отец и сын, часами
Мы беседы с ним вели

Обо всем. И вот тогда-то
Понимать я правду стал
И от русского солдата
Все о партии узнал.

Были думы слаще меда,
Были солоней, чем соль...
Счастье бедного народа
И его страданий боль...

Как бывает сад прекрасный
Опален пожаром весь,
Дружбу нашу в день злосчастный
Опалила злая весть.

Как-то раз после обеда
Мы потешились чайком,
И текла, текла беседа
Возле печки за столом.

Мы от кипятка вспотели,
Заблестели волоса,
И на гвоздиках висели
Рядом наши пояса.

Да, беседовать за чаем
Хорошо, приятно... Вдруг —
Пение!.. Мы различаем
Подлой песни гнусный звук!

Я в замерзшее окошко,
Наклонившись, начал дуть,
Отогрел его немножко,
Чтоб на улицу взглянуть;

И на улице, я вижу,
Белые! Идут в рядах.
Все солдаты их на лыжах,
Офицеры — на конях.

Взгляд змеинный, гадкий, склизкий,
А шинель черным-черна.
Говорят, король английский
На шинели дал сукна.

Ружья подлецам вручили
И, одев их потеплей,
Воевать их научили
Против трудовых людей.

Капшелевцы — им названье.
Как носила их земля?
Их костями в наказанье
Мы усеяли поля.

До сих пор, бывает, ходишь
Полям и под сапогом
Пуговицу вдруг находишь
Медную, с английским львом.

Осторожно наблюдая,
Всех я видел их в окне...
Нет им ни конца ни края!
Очень страшно стало мне.

Сзади лошади тащили
Пушек длинные стволы,
От натуги в пене, в мыле —
Так те пушки тяжелы.

Но мерзавцы не жалеют
Лошадей, не берегут:
Если эти околеют,
У крестьян других возьмут.

«Чтоб вас всех перекололи.
То-то было б торжество!» —
Тихо я ворчал, в подполье
Пряча друга своего.

Песня белых рвет мне ухо,
Опасенья душу рвут,
И ревет моя старуха,
Три снохи мои ревут.

Мора всякого, заразы
Белая страшилась рать,
И везде пошли приказы:
Всех тифозных убивать.

Погибать мне неохота.
Я на двор с крылечка — скок,
Быстро влез я на ворота,
Снял свой черный лоскуток.

Снял и весь дрожу в тревоге:
Ведь теперь в избу войти
Может к нам любой с дороги.
Как же друга мне спасти?

И пока все это дело
Я обдумывал, в сенях
Дверь внезапно загремела
И задела на петлях.

Белые заходят. Двое.
«Тут квартирка неплоха!
Будем жить здесь на постое.
Жарь, хозяйка, петуха!»

Вот жена моя, вздыхая,
Развела в печи огонь,
А башка моя — пустая,
Как дырявая гармонь.

Ночью белые заснули.
Со старухою мы свет
Сразу в горнице задули.
Держим с ней в углу совет.

«Как бы там наш бедный малый
Не замерз», — я ей шепчу.
«Я в подполье одеяло
И рубаху опущу».

«Хорошо бы, чтоб он не был
Голоден», — я ей шепчу.
«Вот заснут покрепче, хлеба,
Молока ему спущу».

К счастью, постояльцы наши
Покидали часто дом,
И его горячей кашей
Мы кормили даже днем.

Так неделя пролетела.
Потеплело на дворе.
Верба белый пух надела
И стоит как в серебре.

Меж кустов в тених узорных
Вьются заячьи следы.
Сколько здесь проталин черных!
Сколько мчащейся воды!

На суках осины хочет
Завести хозяйство грач;
Он все ищет, все хлопочет,
По дороге ходит вскачь.

И крестьянину бы надо
Пахоту начать скорей,
Да забрали, вот досада,
Белые всех лошадей...

Ночью я услышал ровный,
Нараставший гул пальбы.
Ходуном ходили бревна
Старых стен моей избы.

Взрывов прыгали зарницы,
Ярко в небесах горя,
Хоть с востока белой птицей
К нам уже неслась заря.

Я поспешно одеваюсь,
Я на двор свой выхожу,
Я к воротам пробираюсь,
В щелку узкую гляжу.

Вижу, каппелевцам туго.
Вон их сколько на снегу!
Растерявшись от испуга,
Все бросают на бегу.

Пулеметы, шашки, ружья
Нипочем не берегут,
Все добро швыряют в лужи
И бегут, бегут, бегут.

Вдоль канав на мокрых склонах
Всюду мертвецы кругом —
Все в шинелях, поднесенных
Им английским королем.

Вот их кухня полевая
В грязь упала тяжело...
Громко песни распевая,
Входят красные в село!

Запершило в горле что-то...
Слезы на глаза... Я встал
И, счастливый, за ворота
Выбежал и шапку снял.

Я на волю из подполья
Вывел друга. Был он слаб.
По тропинке через поле
Мы пошли с ним в красный штаб.

И меня, обняв за плечи,
К командиру он привел.
Командир шагнул навстречу
И воскликнул:

«Жив, орел!»

Обо всем, что было с нами,
Мой орел порассказал.
Командир блеснул глазами
И меня поцеловал.

А потом повел с собою
В поле. До краев небес
Полк стоял передо мною,
Словно Керленайский лес.

Командир, среди этих смелых
Удальцов поставив нас,
Им поведал, как при белых
Я красноармейца спас.

Слов не зная, не умея
Длинных говорить речей,
Помахал я им, робея,
Шапкой старенькой своей.

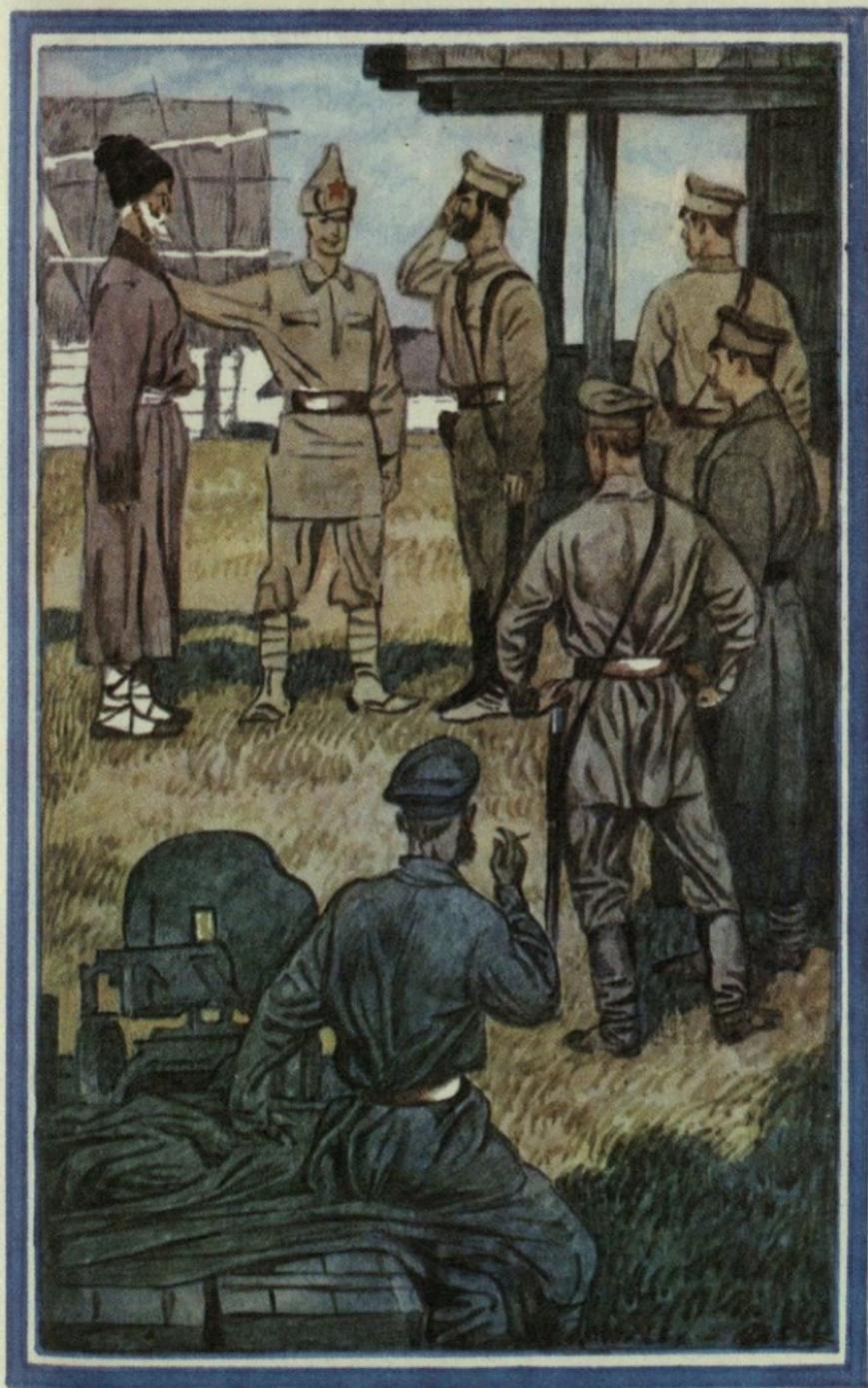
Дружно дрогнул полк могучий,
Вздох промчался по рядам,
И «ура!», как гром из тучи,
Прокатилось по полям.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ТРЕВОЖНАЯ НОЧЬ

Говорят, что по ночам
Старикам не спится.
Мог Кельбук сегодня сам
В этом убедиться.

Лезет в мысли всякий вздор,
Неспокойно что-то.
Встал Кельбук, пошел во двор
И затряс ворота.

В доме трое сыновей —
Ни один не вышел.
Дед ворота дернул злей —
Мертвый бы услышал.

Сна у этих, у троих, —
По мешку на брата.
Что отец извелся их,
Дела нет, проклятым!

За воротами в тиши
Дед присел на лавке,
Освежился — и с души
Отвалились пьявки.

Свежесть... Сырость... Ночь мутна...
Над деревней всею
Светит звездочка одна,
Свет щедрый сея.

Медленно и тяжело,
Бело как сметана,
Снизу на гору ползло
Облако тумана.

Вдалеке мигнул разок,
И потух, и снова
Замигал костра глазок —
Верно, из ночного.

Медом поле и лужи
С ветерком пахнули.
На лету свистя, жуки
Падают, как пули.

Где-то сторож иногда
Брякнет колотушкой.
Эх, прибрел бы он сюда —
Развлекли б друг дружку!

Парень с девушкой своей,
Засидевшись поздно,
Из-под старых тополей
Расходились розно.

Больше, чем Кельбуку, лет
Этим двум деревьям.
«А живут! — подумал дед. —
Крепки корнем древним!

С незапамятных времен
Их шумят вершины...»
Тут нахлынули, как сон,
Прошлого картины.

И Кельбук в былые дни
Парнем назывался, —
В тополевой той тени
Кой с кем целовался.

Не был он и женихом,
А жена невестой, —
Тоже хаживал тайком
С нею в это место.

Да и до нее любя
Девушку другую,
Говорил ей: без тебя
Жить, мол, не могу я!..

Жили бы нежней, дружной
Двух влюбленных птичек,
Да украл ее и с ней
Убежал похитчик.

Кинулся Кельбук вослед
И настиг их скоро,
Но по черепу огрет
Был дубинкой вора.

Пролежал не час, не два
На глухом проселке,
Свет зари проник едва
В глаз кровавых щелки...

Вспомнил дед — и старый червь
В сердце жало всунул.
Дед ругнулся: «Что теперь
Ворошить?» И плюнул.

В клеть вернулся. Неужель
Не уснет всю ночь он?
Месяц выплыл — светит в щель...
Деду скучно очень.

Через восемь лет — все сто.
Коль подумать — много!
Не одну прошел зато
На веку дорогу.

Гроб себе уже давно
Справил он... Какое!
В гроб не лег поныне, но
Загрузил мукою.

Память матери любя
(Образ в сердце светел),
Рядом с нею для себя
Место он наметил.

Это место люди чтут:
Окопав бороздкой,
Дед кудрявенькую тут
Вырастил березку.

Хоть почти и сотня лет,
Все-таки, поверьте,
Думает о жизни дед
Больше, чем о смерти.

В смерти, коль его спросить,
Он не видит толка.
Двадцать бы аршин сносить
До кончины шелка;

Съездить бы — ну, хоть на час —
Поглядеть Москву бы;
Вставить, двух зубов лишась,
Золотых два зуба...

Думу думает Кельбук,
Но, ее теряя,
Слышит он: собака вдруг
Тявкнула в сарае.

Он в стенную щель впился
Зоркими глазами,
Видит: месяц поднялся —
Двор сияньем залил.

Справа — Урдемея клеть,
Не отсюда страхи...
Полно вам, сверчки, звенеть,
Копошась во прахе!

Дед увидел слева двор,
Где амбар колхоза.
Там найдет поживу вор,
Обществу угроза.

Подозренья червь уже
Гложет не на шутку.
Дед не трус, а на душе
Муторно и жутко.

Вдруг три тени за плетнем
Проплыли, как рыбы.
Чувствует Кельбук — на нем
Все волосья дыбом.

Закричать бы караул,
Да охрип... Второе —
Он один, Кельбук смекнул,
А злодеев трое.

Где грабеж — там и разбой,
Ведь народ пропащий.
Смерть встречать, само собой,
На перине слаще.

Ночью чтоб пришла она,
Сна не прерывая.
Музыка потом нужна,
Только духовая...

Заложил засовом дверь:
«Ну-ка, отодвинь-ка.
Не страшна, злодей, теперь
Мне твоя дубинка.

Старый стоит четырех,
Говорят в народе.
Стар, а все башкой неплох —
Что-то смыслю вроде!»

Рухлядь всякую швырь-швырь,
Руку в ларь засунул,
Старый свадебный пузырь¹
Вынул — да как дунул!

И пузырь как заорет —
Слышно всей округе:
Просыпается народ,
Слушает в испуге.

«Свадьба?! Ночью?! Не к добру!..
Кто такой, узнать бы,
Начал вдруг гульбу-игру
Сумасшедшей свадьбы?»

Из домов и млад и стар —
С лавок да с полатей —
Все бегут как на пожар:
«Кто в деревне спятил?!»

Девушки трещат, визжат
И на всякий случай
Все-таки надеть спешат
Платьица получше.

¹ Пузырь — народный музыкальный инструмент из бычьего пузыря, волынка.

Дед Кельбук в клетки своей
Дует, задувает,
А собака, та все злей
Под волюнку лает.

Дед играет взаперти,
И без передыху
В лад волюнке по клетки
Топают он лихо.

Люди сбились у избы,
Шутят незлобиво:
«Дед Кельбук! Попить кабы
Свадебного пива!»

А Кельбуковы сыны,
Люди пожилые,
Не успев надеть штаны,
Выскочили злые.

«Эй ты, дурень старый! Брось!
Что срамишь нас, батя!
Люди думают небось,
Что отец наш спятил!..»

Дед открыл клетную дверь:
«Вам покрепче спать бы!
Дул-то я в пузырь теперь,
Чай, не ради свадьбы!»

Хоть из пушек вас буди —
Сразу не разбудишь.
С этакого сна, поди,
На кладбище будешь!»

У Кельбука борода
Вся тряслась от гнева:
«Я — дурак?! Да там беда,
Во дворе налево!..

Свадьба там, и там вас ждут.
Опоздать нельзя вам...
Все — в амбар! Глазеть вам тут
Не на что, разяивам!

Я не спятил... В том дворе
Воры!.. Вот ей-богу...
Я играл на пузыре,
Чтоб поднять тревогу».

...Рассветает... Голубей
Стая кружит в небе,
Отсветы все голубей
На незрелом хлебе.

Старики — а со стыдом
Входят друг за другом
Сыновья Кельбука в дом:
Мол, прости за ругань...

«Оказалось, прав был ты:
Воры подобрали
Два ключа да и болты
На дверях сорвали.

Двух лошадок запрягли
И зерном колхоза
Нагрузили, сколь могли,
Два хороших воза.

Да не вывезли добра —
Гады еле-еле
Сами ноги со двора
Унести успели...»

«То-то, что отец неглуп!
Вам меня не хаять.
Сразу я смекнул: к чему б
Вдруг собаке лаять?»

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
БЕСЕДА ДЕДА КЕЛЬБУКА
С ДЕДОМ АХМЕТОМ

Ахмет-агай, кунак мой, здравствуй!
Какой приятный гость идет.
Приходишь ты ко мне не часто.
Тебя бочонок пива ждет.

Мы были, друг, черноволосы,
Но времени не сдержишь бег,
Прошла весна, за летом — осень,
И побелил нас зимний снег.

Я знаю, шаг мой стал короче,
Покатым сделалось плечо,
И все-таки, мой друг хороший,
Нам рано умирать еще.

Еще мы радуги счастливой
Веселый многоцветный дым
Должны увидеть там, над нивой,
Над нашим хлебом молодым;

Увидеть, как обвит красиво
Курчавым хмелем старый вяз,
Еще должны мы выпить пива
С тобою, старый друг, не раз.

Мы крепко связаны судьбою,
Ахмет-агай, с давнишних пор,
Давно пора начать с тобою
Нам откровенный разговор.

Ты помнишь, в юности, бывало,
В деревне вашей я гулял,
Я там влюбился и немало
Татарских песен распевал.

Я не забыл тех лет, признаться.
Красивой дочкой награжден
Ты был. Ей минуло семнадцать.
И как я был в нее влюблен!

Приветливо глаза сияли,
Лицо как месяц молодой.
Ее Зейнаб в деревне звали,
А я шептал ей: «Месяц мой!»

Гулял я с ней не раз, под вязы
От всех подальше замая.
Как ягодки, два черных глаза
Светло смотрели на меня.

Обняв ей плечи осторожно
И рук удерживая дрожь,
Однажды я спросил тревожно:
«Зейнаб, ты за меня пойдешь?»

Она шепнула мне на это,
Прильнув к моей щеке щекой:
«Прими-ка веру Магомета,
И стану я твоей женой».

А я тогда был глупый малый,
Я думал: верят неспроста
Начальники и генералы
Не в Магомета, а в Христа.

Сам царь поцеловать иконы
Идет в собор с толпой попов
Среди свечей, хоругвей, звона
Бесчисленных колоколов.

А что в мечети Магомета?
Хотя бы колокол один!
Ни одного! Лишь с минарета
Гоняет галок муэдзин.

Меня сомненья одолели,
И мучилась моя душа.
Твоя Зейнаб и в самом деле
Была на редкость хороша.

Глядя на девушку, сгорая
Любовью, думал я:
«Пускай
В ад попаду я вместо рая.
Любовь Зейнаб — вот это рай!

Пускай, вероотступник, буду
Гореть на сковородке я,
Зато пойдет со мной повсюду
Моя Зейнаб, жена моя».

Хотел я, чувствуя несчастным
Себя от горестной любви,
Ее похитить, но опасным
Сочли мой план друзья мои.

«Давно как конокрад известен
Отец красавицы твоей,
И мы его боимся мести:
Он наших уведет коней».

Как быть? Все думаю, решаю.
Надев чужие сапоги,
В твою избу я направляю
Свои несмелые шаги.

Вот я сижу, от страха серый,
Перед тобой, как на еже,
Твержу о перемене веры.
А вот и сватаюсь уже.

Шепчу:

«Зейнаб... любовь... страданье...
Велик ли за нее калым?»¹
И уж беду свою заране
Я вижу по глазам твоим.

Твои глаза горели жарко.
Искривленным ты крикнул ртом:
«Не для тебя, чуваш, татарка!»
И — бац! — в лицо мне кулаком.

¹ Калым — выкуп за невесту.

Через кусты домой я мчался
И громко плакал от стыда.
С твоей Зейнаб я не встречался
С тех пор ни разу, никогда.

Вот так, Ахмет, в былые годы
Ты злобно сердце мне разбил,
Вот так, обычаю в угоду,
Родную дочку погубил.

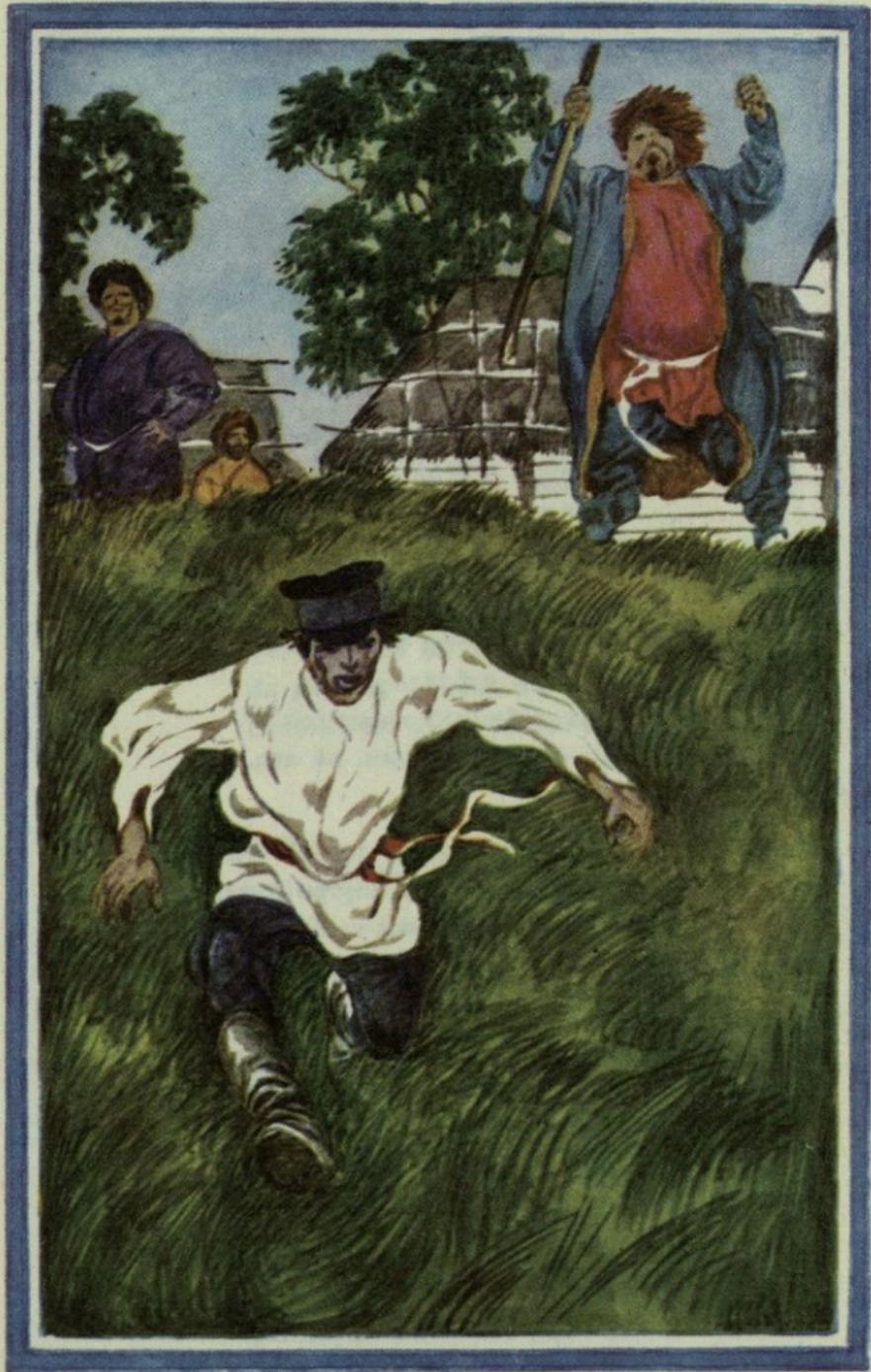
Бедняжку младшею женою
Взял в дом к себе старик мулла,
И там, загублена тобою,
Она несчастлива была.

Я вашу сделку помнить буду:
За дочку любящий отец
Четыре получил верблюда
И стадо целое овец.

Но от богатства стал ты злее.
Свою угрозу не забыв,
Мечтал мне досадить большее,
И злоба пухла, как нарыв.

Пробравшись ночью к нам в селенье,
Ахмет, украл ты у меня
Единственное утешенье,
Кормильца верного — коня.

«Стой! Не уйдешь, Ахмет! В погоню!»
Со мною все мои друзья.
Как ветер мчались наши кони,
И всех быстрее мчался я.

За Волгою, в степи пустынной,
Погоня вора догнала.
Тяжелою своей дубиной
Тебя я вышиб из седла.

Уж мы тебя тогда связали
И по рукам и по ногам,
Заткнули рот, коней погнали
И привезли в деревню к нам.

На лбу твоём доныне метка,
Я вижу, старая цела.
Рука моя разила метко
И, видно, тяжела была.

В былое время конокрада
Жестоко избивал народ.
Тебя побили без пощады
И в погреб кинули, на лед.

Сбежал ты ночью легкой тенью,
Был погреб наш наутро пуст,
Ты на своем пути к спасенью
Закапал кровью каждый куст.

Вот как мы были злы когда-то!
Как дружба нам была чужда!
В тот мрачный век, в тот век проклятый
Всех разделяла нас вражда.

В тот дикий век... Пусть даже имя
Его забудут! Сгинул он.
И сами стали мы другими,
И ныне дружба — наш закон.

Взгляни в окно — богаче, краше,
Чем в старину, цветут поля.
И вся земля повсюду — наша,
Моя и, стало быть, твоя.

И если бы любила ныне
Меня Зейнаб, как в те года,
Ты сам бы дочку на машине,
Наверное, привез сюда.

Ты сел бы с нею предо мною
Вот здесь, поближе, на ковер,
И между нами сам собою
Затеялся бы разговор...

Все справедливей, благородней
Теперь, чем было встарь... Давай
За дружбу выпьем мы сегодня,
Старинный друг, Ахмет-агай!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ЖИЗНЬ

(Рассказ деда Кельбука)

Раным-рано. Брезжит утро.
Ветерок духмяный. Тишь.
Над рекой туманной утка
Поднялась. Шуршит камыш.

Пареньки, отбыв ночное,
Гонят вскачь коней: смотри,
Вишь, рубахи за спиною
Пораздулись в пузыри.

Руки назад — тропею
Полевою я иду,
Разговор с самим собою
Вслух веду я на ходу:

«Эх, земля-земелька наша,
Сколько же в тебе добра!
Стала ты кормить чуваша —
Истинно как мать щедра.

На груди своей широкой
Ты выращиваешь нас,
Силой материнских соков
Ты даешь нам сил запас.

От земли — и хлеб, и сено,
Овощи да всякий фрукт,
От нее — молочный ценный,
От нее — мясной продукт;

Лес, а стало — древесина.
И скажу — при том при всем —
Силу песне соловьиной
Дал, наверно, чернозем.

Но не жди без удобрения
От земли ее щедрот...»
Я в подобном размышленьи
Не спеша иду вперед.

И народ счастливо зажил:
Избы задымят с утра —
Пахнет вкусным так, что даже
Пробирает до нутра.

А по осени куда бы
Ни зашел — займется дух:
Птицу в печках жарят бабы —
Жирный гусь, а то петух.

Хоть незван — тебя, как друга,
Приглашают сесть за стол
И посадят в красный угол —
Коли званным ты пришел.

Побеседовать серьезно
Я с собой люблю с утра.
Прихожу на ток колхозный:
Хлеб в скирде — горой гора.

Молод был, цепом дубовым
Так, бывало, молотил —
Подо мной в сарае новом
Ходуном ходил настил.

Богатырского четверкой
Как ударим — ей-же-ей, —
Даже пляска на вечерках
Не бывала мне милей.

Хоть разламывала спину
Та лихая молотьба,
А крепились молодчины —
Силой, видишь, похвальба.

Не жалели сил до пота —
Не беда! А то беда,
Что с весны до умолота
Все спасенье — лебеда...

Потому-то и люблю я
Выйти в поле, в огород,
Думать, зная жизнь былую,
Как теперь живет народ.

На полях автомобилей,
Тракторов, иных машин
Мы имеем в изобилье:
Жизнь не та — не тот аршин!

Мне приятно при машине
Видеть нашу молодежь,
Да к тому же редко ныне
Хиляка средь них найдешь.

...Солнце поднялось давненько.
Думу думая свою,
Я шагаю помаленьку
По росистому жнивью.

Не гусей ли белых стадо
Там расселось, погляди?
Нет, шатры свои бригада
Там разбила впереди.

Им теперь и дни и ночи
Нужно в поле быть — страда!
Дорог каждый час рабочий,
Тут нельзя жалеть труда.

Под кустарником проворный
Звонкий вьется ручеек,
То голубенький, то черный
Завивается дымок.

Не барана ль закололи,
Как под осень повелось?
Варевом запахло в поле —
Проняло меня насквозь.

Вижу — полог белый постлан,
Вся артель кругом сидит.
Ну, народ не хворый, взрослый —
Жалоб нет на аппетит.

Тут механика простая —
Жуй да не болтай, жуя.
Жирных диких уток стая —
Фррр... — взлетает со жнивья.

Подхожу: «Приятно кушать
В поле вкусный вам калач!»
Говорят: «Приятно слушать.
Просим — котелок горяч».

Место дали мне охотно
И поближе к котелку, —
Как всегда, прием почетный
Оказали старику.

Девушка, а имя — Лена,
Говоря: «Ведь вы наш гость»,
Мне большую, как полено,
Преподносит с мясом кость.

Поклонился ей: «Спасибо».
Как могла, мол, угадать,
Что не только мякиш либо
Кашу можно мне подать?

Да, хоть стар, а все на месте
Зубы у меня во рту,
Словно куры на насесте
Осенью в своем куту.

Некультурно есть руками,
Ну, а вилкой, вот клянусь,—
Что ты с нами, стариками,
Сделаешь? — не тот мне вкус!..

Кончив завтрак, за работу
Принялись — снопы вязать.
Мне словечка два охота
Бригадиру их сказать:

«Хорошо ль бригада вяжет?»
Отвечает: «Без потерь».
Ну, посмотрим, как уважит
Старость он мою теперь,

Уязвлю, мол, ради шутки:
«Так... А правду говоря,
На жнивье дикарки утки,
Чай, слетаются не зря?»

Бригадир ответил разом —
Молод, а видать, смышлен,—
Так вот, не моргнувши глазом,
И выпаливает он,

Говорит: «В жнивье за сутки
Расплодилось лягушат —
Жутко сколько! Значит, утки
Их с утра клевать спешат...»

Ох, остер, находчив парень!
Как не хлопнуть по плечу:
В грязь с тобой, мол, не ударим?!
А еще кольнуть хочу:

«Так... а в снеди лягушиной
Есть колосовая снедь?»
Не расслышал он: машина
Стала здорово шуметь.

Как большая птица беркут,
По полю она пошла,
Поднимая грабли кверху,
Точно два своих крыла.

Перепелок шумом, свистом
Разгоняет далеко.
Хлеб снимает ровно, чисто,
Без огрехов, широко.

Неплохая работенка!
Сила — силой, а — умна:
Бережно, как мать ребенка,
Сжатый хлеб кладет она.

Посмотрел я — опоясьев
Предо мною целый пук.
«Ну, — подумал, загорясь, я, —
Что бездельничать, Кельбук!»

Вязки крутим хорошо мы,
Этим славимся везде:
Не берем гнилой соломы,
Мочим свежую в воде.

Как из кожи сыромятной
Жгут соломенный такой:
Вяжешь сноп — рукам приятно
Узел стягивать тугой.

Нажимаю сноп коленом,
Затяну, свяжу и — крик!
Осенью обыкновенно
Режешь скот — и крякнешь так.

У кого недуги, боли,
Хворь костей да и нутра,
Все забудется, коль в поле
Поработаешь с утра.

Труд — большое счастье, право!
Смолоду я с ним в ладу.
В копны снопики на славу
Я как кирпичи кладу.

Так, чтоб ветер не развеял,
Так, чтоб дождь не промочил,
Хлеб я складывать умею —
Как народ меня учил.

А коль хлеб возвращен и собран
Коллективно — знай, что он
Должен быть тобой особо,
До зернинки сохранен.

Хлеб святыней был крестьянам,
Хлеб святыней был для всех:
Крошки наземь из кармана
Вытряхнуть — считалось грех!

Ты, бахвал, тянись до неба,
Сам себя, как хочешь, славь,
Только помни: «Выше хлеба
Никогда себя не ставь!»¹

Поговорочку такую,
Чай, не зря народ сложил.
Ну, так на своем веку я
Хлебу честно послужил.

Я своих годов не прячу —
Мне б давно залечь на печь,
А возьмусь за труд горячий —
И годов полсотни с плеч.

Труд любой всегда мне сладок.
Что ни делаю — люблю,
Чтоб в работе был порядок,
Беспорядка не терплю.

Мне рассаривать колосья
Не пристало, старику,
И свои снопы авось я
От потерь уберегу.

Да, за старость я отвечаю...
Незаметно, как в гостях,
Пробежало время. Вечер.
Звезды, месяц в небесах.

После дня работы в поле
До чего же сладок сон!
Ключевой водою, что ли,
Прямо в тело льется он.

¹ Чувашская поговорка «Не держи себя выше хлеба».

Подстелить камыш недолго,
Лег — под шубою лежу;
Словно в нем ищу иголку,
В небо звездное гляжу.

Мир, где мать меня качала,
Песни пела надо мной,
Что конец твой, что начало,
Мир — красавец, мир земной?!

Вьется Путь небесный Млечный
Светлой, белою рекой.
Вечно был такой, и вечно
Он останется такой.

Все смотреть бы в это небо,
Видеть ясный звездный свет
И ходить мне по земле бы
Сто, а то — сто двадцать лет!

В небо глядя, звезды числа,
Я разок-другой зевнул,
Повернулся, сбился с мыслей
И заснул — как утонул.

Крепко спал. А еле-еле
Стало брезжить, я уже
С камышовой встал постели, —
Птицы пели на душе;

Счастьем жизни грудь расперло,
Ноги силой налило, —
Парнем свадебным проворно
Зашагал я на село...

...Чуть рокочат проводами
Телефонные столбы:
С деревнями, с городами
Побеседовать кабы!

Видеть многое пришлось-то
В долгой жизни трудовой.
Кабы влезть на столб — и просто
В провод говорить с Москвой.

Долго жить еще на свете
Дай мне боже — не ханжу.
Будет праздник — в сельсовете
Речь об этом я скажу...

Подхожу я к дому бодрым,
Но неторопким шажком,
Звякают, я слышу, ведра,
Пахнет теплым молоком.

Увидав меня в окошко,
Обходительна, ловка,
Подает меньшая сношка
Мне балакирь¹ молока.

Я балакирь залпом выпил
(Мог бы выпить и ведро),
Молока парного кипень
Умягчила мне нутро.

«Жизнь!» — я про себя подумал.
Открываю клетки дверь:
Кой-какую там найду, мол,
Работенку я теперь.

¹ Балакирь — кувшин, кринка для молока.

Нынче штучку отчекрыжу!
Бородищу в горсть загреб,
Клеть осматриваю — вижу
Свой состарившийся гроб.

Мной сколоченный удобно,
Ждет меня он сорок лет,
Мне же ехать в мир загробный
Что-то времени все нет.

Отпугнул я смерть-проныру —
Вот и жив и силы полн,
А поплыть без пассажира
На тот свет не может челн.

«Пусто место — слезы, вздохи,
Полно — радость и покой!»
И содержат гроб мой снохи
Под крупой да под мукой.

Гроб росохся — в палец щели,
Много дырок от мышей,
И жучки его проели,
И полно в нем мурашей.

Я муку и крупы вынул,
Вытряхнул труху да сор —
И, взвалив свой гроб на спину,
С радостью унес во двор.

«Эх, сложить сегодня кости
Ты должна, моя ладья!»
И заржавленные гвозди
Стал из гроба дергать я.

Что изъедено, где дыря —
Порубил я на куски
И здоровеньких четыре
Отстрогал себе доски.

«Ну, Кельбук, свое уменье
Покажи-ка, старичок!»
Небольшой, в два отделенья,
Смастерил я сундучок.

Аккуратно сделал, гладко,
Вывел даже и резьбу,
И не в клеть, а — для порядка —
Сундучок занес в избу.

Тошно мне от разгильдяйства:
Вещь любая, коль она
Может быть годна хозяйству,
Место знать свое должна.

Шила, иглы, нитки, дратву,
Мелочь разную, трень-брень —
Все сложил я аккуратно
В сундучок в тот самый день.

И не мучка и не крупка
В отделении другом —
Смерть дразнить — лежит в нем трубка
И мешочек с табаком.

Я, устроив так шкатулку,
Вышел малость отдохнуть
И из трубки с медной втулкой
Табачком своим пыхнуть.

На глаза от солнца навись —
Я ладонь поднес ко лбу
И, на древний дуб уставясь,
Думал про его судьбу:

«Я-то стар, а он — древнее,
Коренастый здоровяк.
Вкруг него — что год — теснее
Молодой растет дубняк.

Сколько лет за ним слежу я —
Не берут его года:
Бури рвут его, бушуя,
Только нет ему вреда.

Эту силу, мать-природа,
Я, старик, тебя прошу,
Дай советскому народу
И Кельбуку чувашу!

Чтобы в славе, в мирной мощи
Крепла Родина моя.
Чтоб дубовой шумной рощей
Вкруг меня росла семья!»

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

КЕЛЬБУК И УРДЕМЕЙ

Солнце утром поднялося,
Обещая жаркий день,
Великанскую отбросив
От меня на горы тень.

Я иду легко и скоро,
Легкий весь, как птичий пух,
Что ни вижу — радость взору,
Что ни слышу — нежит слух.

За пеньки в лесной опушке
Задеваю сапогом,
И с пеньков грибы-гнилушки
Разлетаются кругом.

Мастер я свистеть сквозь зубы,
Свистну — звон стоит в ушах,
И будить мне свистом любо
Птиц в лесу и в камышах.

Я иду тропинкой горной,
Вижу зыблющийся луг,
И сама из сердца в горло
Звонко льется песня вдруг.

Слышу — иволга запела,
Все за ней поет в лесу...
Юность — ту, что откипела,
Снова я в себе несу.

Вот он пень, что без ошибки
Я и ночью бы нашел:
Для моей был спилен зыбки
Той березы белый ствол.

Старый пень мне по колени;
Сам он мертв, а из корней
Вон какое поколенье
Подросло с тех давних дней!

«Наша мать тебе служила
Колыбелькою, поэт,

Так прими, земляк наш милый,
От ее детей привет!»

Так шептали мне как будто
Листья молодых берез.
Их приветом в ту минуту
Я растроган был до слез.

Березняк пройдя и ельник
И изрядный сделав крюк,
На поляне вижу пчельник,
Сторожит его Кельбук.

Года три-четыре, верно,
Не видал я старика.
«Как здоровье, дед?» —

«Не скверно». —

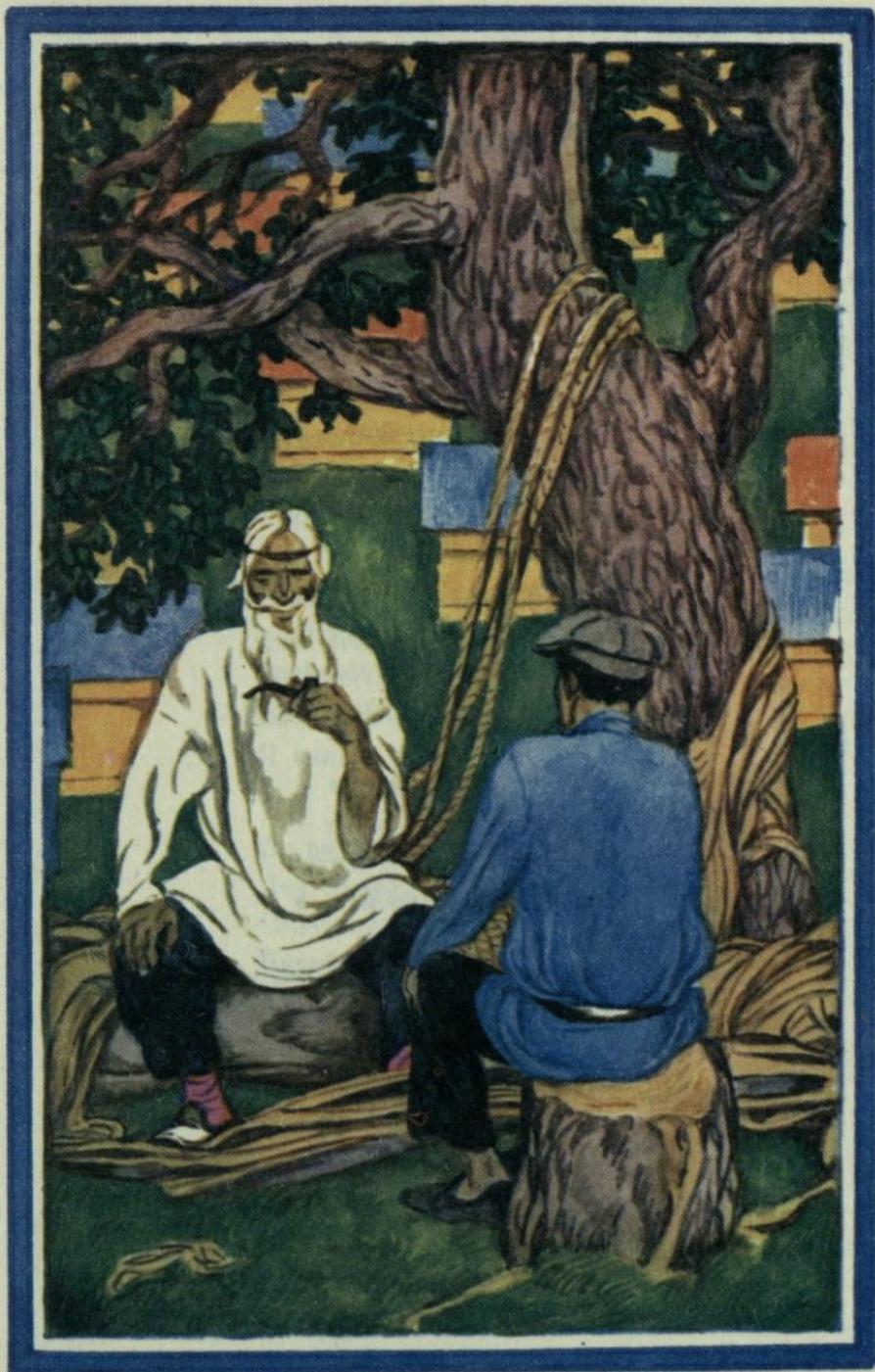
«Как глаза?» —

«Да зряч пока».

...В этой длительной разлуке
Где я только не бывал,
Но нигде я о Кельбуке
Никогда не забывал.

Я хотел, чтоб он известен
Был во всем краю родном,
И поэму — дело чести —
Написать решил о нем.

Говорят мне: «Много слишком!»
Критик мой, не будь так строг:
Сердцем писанную книжку
Можно ль мерить счетом строк?

...Над травой да над цветами
Мельтешат — пестры, яркие,
На цветы похожи сами —
Бабочки да мотыльки.

А кругом — всё ульи, ульи...
Двести... двести пятьдесят...
Пчелы носятся, как пули,
Как базар, жужжат, гудят.

У приземистого дуба
Делом занят дед Кельбук:
Из размоченного луба
Вьет веревки старый друг.

Говорит он: «Что из лыка
Я с детьми веревок сплел!
До самой Москвы великой
Я б, за них держась, добрел.

А еще к тому считая
Дедов, прадедов моих —
Так хватило б до Китая
Тех веревок родовых...»

...Вдруг от желтых ульев нудный,
Тонкий-тонкий звук дошел,
И с Кельбуком обоюдно
Мы встревожились за пчел.

Завернувшись в белый шубар¹,
Крикнул дед: «Роятся! Вот!»
Вижу я — мохнатым клубом
Рой по воздуху плывет.

¹ Шубар — холщовый кафтан, пыльник.

Будто бы копенку сена
Гонит ветер озорной,
Улетает драгоценный
Медоносный рой шальной.

Палкой дед забарабанил
По заслонке — пчел пугнуть,
Их водою из лохани
Попытался оплеснуть.

Где возьмешь такую силу?
Улетает рой! Беда!
Лишь на миг зажглась красиво
Яркой радугой вода.

Дед Кельбук едва не плачет:
«Ведь ущерб какой — прикинь!
Коль взбесилась матка — значит,
Я скажу, как поп: аминь!»

Но за пчелами вдогонку
Дед бежит, и я бегу,
Оглушительно в заслонку
Барабания на бегу.

Сквозь кустарник продираясь
(Так скорее — напрямиком),
Мы бежим, следить стараюсь
За роящимся клубком.

Понесло его, похоже,
На большой приречный луг.
Задышается, а все же
Рядом топает Кельбук.

Сизой чернью с позолотой
Блещет зыбь травы густой.
Чайка вскрикнула — и с лёта.
Воду клюнула... Пстой!

Чья, красней, чем костяника,
Там рубаха над рекой?
Дед толкнул меня: «Взгляни-ка:
Урдемей иль кто другой?»

Он! Смотри, в беде тяжелой!
Надо выручить его:
Дезертирки эти, пчелы,
Облепили ведь всего!»

Волосы у дяди длинные,
В скобку стрижен, — в волосах
Рой запутался пчелиный,
В бороде, гляди, в усах,

На бровях и на ресницах,
По всему лицу кишат,
Ищут матку — их царицу;
Суетятся и спешат,

Друг на дружку наседая,
К уху левому пролезть,
Где царица молодая
Сдуру вздумала засесть.

Вот напасть на Урдемея!
Словно каменный сидит,
Глаз и рта открыть не смея,
И, как улей, весь гудит.

«Урдемей!» Но он не слышит:
Пчел в ушах его полно.
Дышит бедный иль не дышит,
Умер, может быть, давно?!

Но во рту, однако, дядя
Стиснул трубку, как привык,
И в руке, хоть и не глядя,
Держит удочку старик.

К Урдемею подошел тут
Дед Кельбук, его дружок,
Он припас половник желтый,
Головешку, бурачок¹.

Стал окуривать он друга,
Пчел хотел собрать в бурак,
Урдемей же с перепугу
Весь задергался, да как!

Дым уж очень был едучий...
Кашлял, кашлял Урдемей,
И его, как в злой падучей,
Стало корчить все сильней.

Крикнул дед: «А ты не дрыгай.
Коль не можешь дым снести,
Так немедля в воду прыгай,—
Должен ты себя спасти!»

Урдемей услышал — понял,
Что сулил Кельбуков крик,
И — в чем был, как бы спросонья
Или спьяну,— в воду прыг!

¹ Бурачок — берестяной коробок.

Прыг — и словно камень в воду.
Пчелы всплыли, как овес,
А Кельбуку-пчеловоду
Юных пчелок жаль до слез.

Урдемей ныряет ловко,
Но ведь омут, ох, глубокий!
Трубка с медною оковкой
Выплыла, как поплавок,

И, подхвачена теченьем,
Мчится в пене мимо нас.
Урдемея нет!.. Мгновенье
Длится, тянется, как час.

Ждем мы, ждем, в надежде робкой
Смотрим на воду — и вот
Он выныривает пробкой
И за трубочкой плывет!

«Ну, поймал!» — кричит он хрипло —
Видимо, озяб в воде.
К нам подплыл, глядим — налипло
Много тины в бороде.

И фигурой трехаршинной
На берег не торопясь
Вылез он, украшен тиной...
И, за удочку схватясь,

Леску во мгновенье ока
Дернул, вытянул струной —
И форель длиною в локоть
Шлепнулась передо мной.

Сенокосная страда,
Труд горячий сенокосный!
Были в мирные года
Косари у нас — что сосны.

Но мужчин-богатырей
На войну пришлось отправить,
И на жен и дочерей
Косы им пришлось оставить.

Только ржа не съела кос:
Девушки и молодницы,
Даже дети на покос
Вышли нынче потрудиться.

Несколько мужчин тут есть —
Больше, так сказать, для виду.
Но приходится учесть:
Раненые, инвалиды!

Были б кости — полбеда,
Нарастет и мясо дома.
Даже от родной воды
Сил прибавится иному.

Родина растит сынов
С героической душою,
Чтоб для счастья, для трудов
Мирно жить семьей большою.

Только тем, кого война
Обезручит, обезножит,
Новых рук и ног страна
Отрастить уже не сможет.

Этой думой огорчен,
Сразу стал Кельбук печальней,
Но от грусти отвлечен
Был он звоном наковальни.

...Смолоду силен он был
И в работе ненасытен,
И особенно любил
На лугах траву косить он.

Да, в косьбе он был горяч.
А заметит где поодаль,
Что отстанет, как дергач,
Шею вытянувший лодырь,

Хоть шагов пять-шесть всего
И прошел с косой на пробу, —
У Кельбука на него
Закипала в сердце злоба.

А когда все косы враз —
Вшишк да вшишк — засвищут дружно,
Большей даже и сейчас
Радости ему не нужно.

Разболятся плечи — брал
Кислый спирт он муравьиный,
Спиртом плечи натирал —
И от боли ни помину.

...Силу к старости сдаешь
Год от году, понемножку,
И становишься похож
На печеную картошку.

Разве только человек?
Не стареет ли и камень —
Дуб в него пустил побег
И буравит корешками.

Но неужто потому,
Что он стар, что ноют кости,
На печи лежать ему
Без работы? Нет уж, бросьте!

Коль за жизнь свою народ
Бой ведет святой, смертельный,—
Стар Кельбук, седобород,
А не станет жить бездельно.

От людей к нему не зря
Уважение такое.
И, короче говоря,
Дед пока не на покое.

Косарем хоть не бывать —
Тут уж не в своей он власти,—
Но ведь косы отбивать
И натачивать он мастер!

Хорошо отбил иль нет?
Жестким стебельком по жалу
Проведет легонько дед:
Хороша! Хоть брей, пожалуй!

«Ну, красавица, коси,
Да чтоб небу стало жарко.
А на свадьбе поднеси
Мне вина большую чарку!

Обойди район кругом —
Не найдешь косы острее.
Так вдобавок пирогом
Ты попотчуй, да щедрее».

«Сношенька, войны конец
Близко. Будь сама здорова —
Муженек твой, молодец,
Жив приедет, право слово».

«Да и твой сынок-герой,
Доченька, вернется вскоре.
Победим — и пир горой
Зададим, забудем горе!..»

С каждой так поговорит —
Вроде бы язык почешет,
А сердечко ободрит,
Словом ласковым утешит.

...Люди косят и поют.
Труд кипит, кипит забота:
Больше сена! Ведь и тут
Оборонная работа.

Труд веселый — сенокос!
И не молкнут ни минутки
Говор, смех, жужжанье ос,
Детский визг, свистульки, дудки.

С места не сходить весь день —
Это даже некрасиво.
Встал Кельбук, стянул ремень
И пошел неторопливо.

Сено девушки с детьми
Граблями сгребают в копны
И отвозят лошаадьми
К стоговицам расторопно.

Держит вилы Урдемей,
Стоя на вершине стога.
«Дед Кельбук,— он крикнул,— эй!
Вот, справляюсь понемногу!»

Повертев над головой
В знак привета шапкой старой,
Дед сказал: «Пусть будет твой
Сток стожаром под Стожары!»

Этим тронут глубоко,
Урдемей свой старомодный
Снял картуз и высоко,
Нацепив на вилы, поднял.

...Дальше, как велют года,
Дед неторопко, степенно
Направляется туда,
Где бригада косит сено.

С наковальной не придешь,
Будь хоть молодой и сильный,
А брусок точильный, что ж,—
При себе брусок точильный.

«Коль нужды в отбивке нет,
А достаточно подточки,
Тут, на месте, может дед
Подточить вам косы, дочки!»

«Ой, спасибо!» — слышит он.
«Вот моя неважно косит...»
И к нему со всех сторон
Косы женщины подносят.

Тронул косу дед бруском,
И в его руке умелой,
Словно скрипка под смычком,
Сталь на голоса запела.

Словно скрипка иль гармонь —
Грусть в той музыке и пляска.
Стар Кельбук, а душу тронь —
Вся — что песня, вся — что сказка.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

РАДУГА

Ненасытно в жизнь влюбленный,
Человек с большой душой,
Дед Кельбук идет зеленой
Сельской улицей большой.
Теплый дождь прошел, и манит
Голубая даль небес,
И на что старик ни взглянет —
Все прекрасно: поле, лес.

Вдоль дороги, по омытой
Щедрым дождиком траве,
Шел старик мой знаменитый.
Жаворонки в синеве
Заливались, а кукушки,
Жизнь пророча старику,
Выкликали на опушке
Многократное «ку-ку».

Воздух все свежей и чище,
Хочется дышать легко —
И Кельбук за голенище
Трубку прячет глубоко.
Травы пахнут луговые,
Словно сладкий дым на вкус.
В травах капли дождевые
Блещут россыпями бус.

Поначалу чуть заметный —
С края неба в край другой —
Мост воздушный семицветной
Перекинулся дугой.
Радуга — мечты прельщенье!
В ней лесов, лугов, полей,
Всей вселенной отраженье,
Сила всей природы в ней.

Нет, не только семь красивых
В ней цветов горит! Не счесть,
Сколько в этих переливах
Прихотливых красок есть!
Нам приметкою чудесной
Служит издавна она:
Если явлен мост небесный —
Значит, радость суждена!

Есть поверье у народа:
Если, в белое одет,
Человек седобородый,
Радуги увидев свет,
На коне под ней промчится,
Новый свой начнет он век, —
Чудо с ним тогда случится —
Молод станет человек.

Дожил дед Кельбук мой до ста:
Каждый год дожди идут,
Радуги сияют — вдосталь
Навидался их... А тут
Отвести не может взора:
Радуга, ярка, кругла,
С той горы на эту гору
Над дорогой пролегла.

Старость. С нею сладишь разве?
Прежней силы нет в ногах!
Это верно. Но и грязь ведь —
Воз несешь на сапогах!
Эх, домой плетитесь, ноги!..
Но под радугой старик
Замечает на дороге
В отдаленье грузовик.

Дед стоит, машина ближе,
Ход теперь не так уж скор,
Поравнялась, грязью брызжа,
Полный тормоз дал шофер.
«Наше, дедушка, почтенье!
Как здоровье? Как дела?»
Из соседнего селенья
Та полуторка была.

А везла в колхоз машина
С фронта ехавших солдат.
«Дедушка, садись в кабину!» —
С кузова ему кричат.
Молодцы! У всех медали,
А у многих ордена,—
Даром-то не награждали —
Доблесть их награждена!

Им приветственное слово
Захотел сказать старик:
«Вы простите за дубовый
Неученый мой язык.
Отстояли вы свободу
Нашей трудовой страны,
Закалили честь народа
В грозном пламени войны.

Так спасибо вам! — приподнял
Дед над головой картуз. —
Подожду — авось сегодня
И своих птенцов дождусь...» —
«Ну, коль живы, так приедут.
До свиданья, дед Кельбук!..»
Грузовик зафыркал, деду
Машут два десятка рук.

Дед забыл свою усталость
И пошел опять вперед.
Вновь машина показалась
Из-под радужных ворот.
И победы песня громко
Долетает с ветерком.
Кто-то, может, из потомков
Прибыл с тем грузовиком!

Не пяток-десяток внуков
С правнуками — это что! —
На фронтах — его Кельбуков
Было душ, пожалуй, сто!
Богатырское он племя
Вывел, что ни говори!
Съедутся — настанет время —
Все его богатыри.

Каргуза не надевая,
Дед Кельбук стоит один.
Ветер веет, развевая
Белый снег его седин.
На дорогу, седоглавый,
Он глядит — и взор не сыт:
Радуга, что арка славы,
Впереди, светясь висит.

1952

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая. Детство. Пер. Н. Чуковского	5
Глава вторая. Волшебное кольцо. Пер. Л. Пеньковского	16
Глава третья. Борода. Пер. Н. Чуковского	33
Глава четвертая. Закон бурой коровы. Пер. Л. Пеньковского	47
Глава пятая. Кунья шапка Урдемея. Пер. Л. Пеньковского	57
Глава шестая. Страх. Пер. Н. Чуковского	68
Глава седьмая. Человек в шинели. Пер. Н. Чуковского	78
Глава восьмая. Тревожная ночь. Пер. Л. Пеньковского	100
Глава девятая. Беседа деда Кельбука с дедом Ахметом. Пер. Н. Чуковского	110
Глава десятая. Жизнь. Пер. Л. Пеньковского	117
Глава одиннадцатая. Кельбук и Урдемей. Пер. Л. Пеньковского	130
Глава двенадцатая. Сенокос. Пер. Л. Пеньковского	139
Глава тринадцатая. Радуга. Пер. Л. Пеньковского	144

**Яков Гаврилович
Ухсай**

ДЕД КЕЛЬБУК

Поэма

Редактор *Г. Иванов*
Художник *В. Юдин*
Художественный редактор *Е. Андреева*
Технический редактор *В. Флид*
Корректоры *Т. Стельмах, Г. Панова*

ИБ № 3273. Сдано в набор 23.12.83. Подписано к печати
10.04.84. А06782. Формат 70×90/32. Гарнитура об. нов.
Печать офсет. Бумага офс. № 1. Усл. печ. л. 5,42.
Усл. кр.-отт. 21,95. Уч.-изд. л. 5,89. Тираж 10 000 экз.
Заказ № 4. Цена 70 коп.

Издательство «Современник» Государственного комитета
РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли и Союза писателей РСФСР
123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62.

Госкомиздат РСФСР

Полиграфическое производственное объединение «Офсет»
Управления издательств, полиграфии и книжной торговли
Волгоградского облисполкома.
400001, Волгоград, ул. КИМ, 6

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Просим Вас отзывы о книге, ее содержании, художественном оформлении и полиграфическом исполнении, направлять по адресу:

*123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62
Издательство «Современник»*

20-

70 коп.

СОВРЕМЕННОК